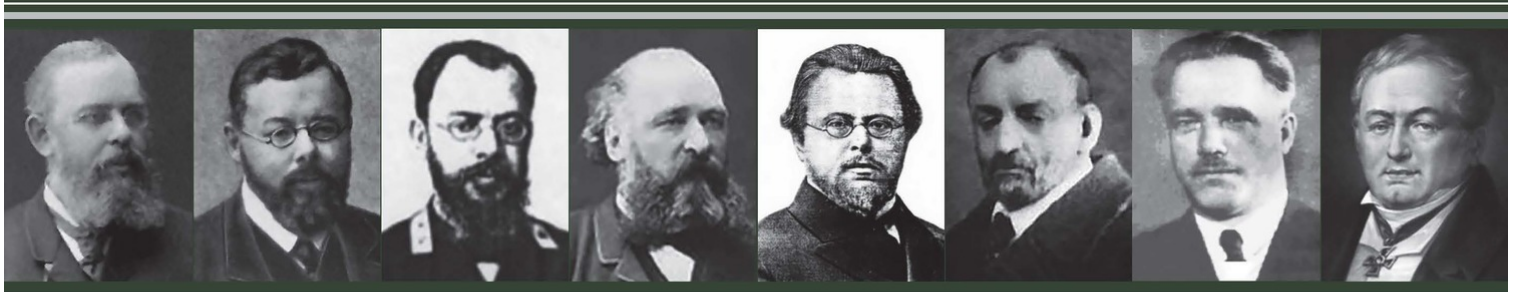
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ПУТЬ В 200 ЛЕТ



Сборник

Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете. Путь в 200 лет

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2019

УДК 330
ББК 65.01

Сборник

Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете. Путь в 200 лет / Сборник — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2019

ISBN 978-5-288-05895-0

Сборник статей посвящен двухсотлетию создания кафедры политической экономии (экономической теории) в Санкт-Петербургском университете: истории становления и развития теории экономики, педагогической и научной деятельности сотрудников кафедры, их вкладу в формирование российской экономической школы. Особое внимание уделено современному состоянию научных исследований, проводимых на кафедре экономической теории СПбГУ. Разрабатываемые научные направления нашли отражение в статьях сотрудников кафедры, в которых исследуются теоретико-методологические вопросы и проблемы социально-экономического развития России. Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и всех, кто интересуется историей экономической науки и современными проблемами развития экономики.

УДК 330
ББК 65.01

ISBN 978-5-288-05895-0

© Сборник, 2019
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Содержание

Предисловие 6
Раздел 1 9
Л. Д. Широкорад 9
М. В. Марков 29
В. Т. Рязанов 49
А. Н. Дубянский 61
Л. А. Вознесенский 69
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019
© Коллектив авторов, 2019

Предисловие

В Санкт-Петербургском университете активная научно-образовательная деятельность в сфере экономики началась с его возрождением в 1819 г. Тогда кафедра политической экономии в числе первых вошла в состав университета под названием «кафедра энциклопедии юридических и политических наук и политической экономии». К тому времени она уже имела свою предысторию в Педагогическом институте, учрежденном в 1804 г. и переименованном в 1816 г. в Главный педагогический институт, на базе которого с привлечением его преподавателей создавался Императорский Санкт-Петербургский университет.

Последующее развитие экономического образования в университете было связано с двумя началами в экономической науке – политической экономией и статистикой. Такое их исходное сочетание вполне оправданно и объяснимо. Оно определяет главное содержание и предназначение экономической науки – служить раскрытию природы и особенностей хозяйственной деятельности людей в соединении ее качественной и количественной сторон, теоретического и практического значения. Обществу всегда важно знать о том, почему и как осуществляется хозяйственная деятельность людей, что ими движет и что определяет их интересы. Не менее существенны и те реальные результаты, которыми она сопровождается и по которым можно судить об ее успешности, а это требует умения оценивать и сопоставлять.

Чем сложнее и многообразнее становилось народное хозяйство, тем сильнее происходила дифференциация научных направлений и тем чаще возникали новые экономические школы, посредством которых развивалась наука об экономике. Все это находило отражение в сфере преподавания, способствуя расширению набора учебных дисциплин по экономике, необходимых для ее освоения. Именно так продвигалась экономическая наука в Санкт-Петербургском университете, отражая общую тенденцию. Постепенно появлялись новые кафедры, рождались новые научные дисциплины и возникали новые специальности. Такой процесс развития науки закономерен и имеет свое продолжение.

Политическая экономия и статистика как учебные дисциплины на этапе своего становления находились в тесной взаимосвязи и даже в неразрывном единстве. Не случайно многие профессора и преподаватели двух кафедр параллельно читали курсы по политической экономии и статистике, нередко в их научных интересах органично сочетались эти два направления. Многие преподаватели внесли свой творческий вклад в становление политической экономии как науки и в разработку теории статистики. Своеобразным апогеем единения стало возникновение общей кафедры политической экономии и статистики в 1835 г., когда после очередной реорганизации ее сотрудники оказались вначале на философском, а затем на юридическом факультете университета. В объединенном составе они просуществовали до 1917 г. Так что у двух кафедр общая история, но неодинаковые результаты.

История кафедры политической экономии, начавшаяся 200 лет назад, была непростой, со взлетами, падениями и трагическими страницами. Тогда в стране свершались эпохальные перемены, радикально преобразующие облик страны и устройство ее экономики. Достаточно напомнить о революционных событиях 1917 и 1991 гг. Россия стала полигоном для грандиозных социально-экономических экспериментов, что отражалось на работе кафедры. Кафедра не стояла в стороне от экспериментов, активно в них участвуя. Безусловно, все это не могло не влиять на место и роль политической экономии, а в более широком плане на место и роль и самой экономической науки в университетской научно-образовательной деятельности.

Политическая экономия в данном отношении особенно уязвима и подвержена административному давлению, поскольку ее предназначение не ограничивается абстрактно понимаемой научно-практической ролью. Сама нацеленность науки на поиск истины требует раскрытия экономических интересов и противоречий, содержащихся в хозяйственных процессах,

поэтому политическая экономия, обладая потенциалом содержательной критики, способна оппонировать власти. Ведь власть по своей природе заинтересована в использовании науки для своих прагматичных целей, а они в немалой степени связаны с идеологическим подкреплением проводимой политики и поддержанием ее авторитета. Этим определяется значение политического и идеологического векторов в развитии политэкономического знания в сфере экономики, с которым связан жесткий контроль за ее представителями, так же как и стремление заместить одни научные школы другими, менее опасными для власти. Не случайно уже первая «чистка» на кафедре политической экономии произошла через два года после ее образования (в 1821 г.), когда были уволены неугодные преподаватели. В ее истории подобные эпизоды, к сожалению, случались неоднократно и по разным поводам.

Возможность экономической теории определяется не только собственной логикой развития науки. Она зависит от того, какой получит статус и в каком качестве, как будет сформулирован общественный заказ, насколько она окажется подверженной административному влиянию.

Становление кафедры политической экономии происходило параллельно с формированием университетской школы экономической науки в России. Можно считать, что первые 100 лет в ее истории проходили под влиянием ведущих экономических школ, появлявшихся в Европе. Вначале была английская школа классической политической экономии, затем наступил черед немецкой исторической школы. Значительным было воздействие экономического учения К. Маркса, но и у него были свои оппоненты, и уже обнаруживались истоки зарождающейся неоклассической школы. Такая смена теоретических парадигм не являлась простым следованием научной моде, продиктованной зарубежной экономической мыслью. Это был поиск своего места в науке с ориентацией на практическое применение в условиях российской специфики, и в некоторых ее областях он характеризовался достижениями отечественной экономической школы. В конце XIX в. в университете работали выдающиеся российские экономисты А. А. Кауфман, Ю. Э. Янсон, М. И. Туган-Барановский, С. И. Солнцев, А. И. Буковецкий и др. Их последователи и ученики достойно продолжили восхождение экономической науки России. Достаточно привести имена В. В. Леонтьева, ставшего лауреатом Нобелевской премии по экономике, и Н. Д. Кондратьева, разработавшего теории больших циклов в экономике.

Если звездный час в развитии политической экономии как науки пришелся на предреволюционный период, то в организационном отношении ее ведущая роль проявилась при создании факультета в составе Ленинградского государственного университета. Хорошо известно, что в 1940 г. он образовался фактически на основании кафедры политической экономии и до 1949 г. назывался политико-экономическим факультетом. Так сложилось, что первый заведующий кафедрой политической экономии М. А. Балугьянский и первый декан политико-экономического факультета А. А. Вознесенский впоследствии стали ректорами нашего университета.

Политическая экономия не только получила новую жизнь, но и смогла сохранить преемственность во многом за счет того, что инициатор возникновения факультета и первый его декан А. А. Вознесенский пригласил известных экономистов-теоретиков. Некоторые из них снискали известность еще в дореволюционной России.

В советский период значение марксистской политической экономии как теоретической базы в подготовке экономистов было решающим. При этом данная дисциплина в стране была обязательной во всех направлениях образовательной деятельности.

Конечно, такой статус политической экономии, опирающийся на административную поддержку, был не безупречен и таил в себе риски и угрозы. В полной мере они проявились в 1990-х гг., когда произошла смена политического режима в стране и необходимость в данной версии теоретического знания отпала. Хотя сама потребность в экономико-теоретическом знании

не исчезла, ее ведущая роль заметно ослабла и сузилась, что особенно отразилось на падении в образовательном процессе интереса к теоретическому знанию. Наступило непростое время для экономической теории и экономистов-теоретиков. Сегодня это реальность, с которой приходится считаться.

Данное издание не является полноценным описанием истории развития политэкономического (теоретического) знания в университете. Историю становления и развития политической экономии в Санкт-Петербургском университете в разных ее версиях во всей полноте и неоднозначности еще предстоит создать. Тем более что уже есть достойные работы наших коллег из школы статистики и финансовой школы, подобную задачу уже успешно осуществивших, а их публикации могут служить примером[1]. Что касается предпринятой нами работы, то ее результатом стал сборник, посвященный двухсотлетию кафедры политической экономии (экономической теории), соединивший материалы, обращенные к некоторым страницам из жизни кафедры, и статьи ее нынешних преподавателей по актуальным экономическим проблемам.

История всегда поучительна, даже когда она ничему не учит. Ее надо знать и применительно к истории экономической науки в нашем университете, чтобы лучше понимать то, свидетелями чего мы становимся. Когда вникаешь в историю, еще больше осознаешь, что многое из ныне происходящего уже было. Осмысление исторического опыта важно как для того, чтобы отдать должное нашим предшественникам, продолжая и развивая заложенные ими научные традиции; так и для того, чтобы понимать противоречивость происходивших событий и неоднозначность их участников, а это, вполне вероятно, поможет нам извлечь из прошлого надлежащие уроки.

В. Т. Рязанов

[1] Статистика в Санкт-Петербургском университете / под ред. Я. В. Соколова, Д. А. Львовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010; Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет / под ред. В. В. Ковалева. М.: Проспект, 2009.

Раздел 1
Кафедра политической экономии: история в лицах и событиях

Л. Д. Широкорад
Политическая экономия в Санкт-Петербургском университете (начало XIX в. – 1939 г.)[2]

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Широкорад Л. Д.* Политическая экономия в Санкт-Петербургском университете (начало XIX в. – 1939 г.) // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 9–31.

В статье анализируются особенности процесса становления и развития политической экономии в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете до начала Великой Отечественной войны. Выделяются основные этапы этого процесса, характеризуется влияние на развитие политической экономии в вузе особенностей политической и экономической ситуации в стране и европейской экономической науки, рассматривается кадровая политика царского правительства, отношение профессорско-преподавательского корпуса и студенчества к марксизму.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, М. А. Балугьянский, камеральное отделение юридического факультета, Дерптский университет, И. Я. Горлов, В. С. Порошин, Э. Р. Вреден, П. И. Георгиевский, М. И. Туган-Барановский, экономическое отделение факультета общественных наук, Н. Д. Кондратьев, А. А. Вознесенский.

Политическая экономия преподавалась в отдельных учебных заведениях России еще в конце XVIII – начале XIX в. Однако включение этого курса в учебный план столичного Императорского Санкт-Петербургского университета создавало новые, более широкие возможности для развития данной науки, так как именно этот университет находился под особым патронатом верховной власти. Впрочем, указанное обстоятельство зачастую оборачивалось бóльшим ограничением университетской автономии и, соответственно, творческой свободы университетских ученых, нежели в других вузах. Попробуем рассмотреть влияние каждого из этих двух факторов на развитие политэкономии в Санкт-Петербургском университете, охарактеризовать теоретические взгляды ведущих ученых, их вклад в политэкономию и возникавшие между ними дискуссии. Особое внимание уделим при этом анализу коренных, принципиальных изменений в постановке преподавания политэкономии в Петроградском (Ленинградском) университете после революционного 1917 г.

[2] При написании данной статьи использованы материалы публикаций: *Широкорад Л. Д.*: 1) Преподавание политической экономии: начальный этап // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 3. С. 49–55; 2) Научная и педагогическая деятельность М. И. Туган-Барановского в С.-Петербурге (1893–1917) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 1. С. 48–66.

Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете в первой половине XIX в. имеет не только свою историю, но и предысторию. Идея создания Санкт-Петербургского университета родилась задолго до ее оглашения министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным в 1819 г. и воплощалась в жизнь поэтапно. В «Похвальном слове Петру Великому…», прочитанном в торжественном собрании в день открытия Санкт-Петербургского университета 25 марта 1838 г. экстраординарным профессором А. Никитенко, который, кстати, первые 19 лет своей жизни был крепостным графа Шереметева, отмечалось, что «первый русский университет существовал уже в уме Петра. До времени он слил две формы высшего образования в одну, потому что того требовали современные ему нужды государственные» [Слова и речи…, 1838, с. 9–10].

Активное продвижение в решении выдвинутой Петром I задачи создания университета в столице началось после восшествия на престол Александра I. Государство в то время остро нуждалось в высококвалифицированных кадрах управленцев, хозяйственников, ученых, без активного участия которых осуществить реформы, намеченные в различных сферах общественной жизни, было бы невозможно. Однако для образования полноценного университета в начале XIX в. необходимых условий еще не было, поэтому начали с преобразования в апреле 1804 г. существовавшей в Петербурге учительской гимназии в Педагогический институт.

В утвержденных 16 апреля 1804 г. «Предварительных правилах народного просвещения» указывалось, что Педагогический институт следует рассматривать как «отделение имеющего учредиться в Санкт-Петербурге университета» (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. IX]). Профессор Е. Ф. Зябловский, сменивший 31 октября 1821 г. М. А. Балугьянского на посту ректора Санкт-Петербургского университета, отмечал, что в то время в России педагогические институты должны были существовать при каждом российском университете (см.: [Зябловский, 1833, с. 38]). Указанные «Правила» предполагали, в частности, что в педагогическом институте должна изучаться политическая экономия (см.: [Рождественский (ред.), 1919, с. IX]). Поскольку преподавать в учебном заведении университетского типа в России было практически некому, многие профессора были приглашены из-за границы. В Санкт-Петербургский пединститут были приглашены «карпато-россы» из Австрии. Среди них был и М. А. Балугьянский, который приехал в столицу 4 февраля 1804 г. Еще 1 августа 1803 г. он был назначен ординарным профессором по кафедре политической экономии в учительской гимназии. В должности ординарного профессора он оставался и после ее преобразования в Педагогический институт (16 апреля 1804 г.), а затемв Главный педагогический институт (23 декабря 1816 г.). Интересно, что в официальных бумагах, подписанных министром духовных дел и народного просвещения в 1819 г., говорилось о «бывшем Главном педагогическом институте, что ныне Санкт-Петербургский университет» [О дозволении студентам…, 1822, с. 26].

Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847)

Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1198-balugyanskiy-balugjanski-mikhail-andreyevich.html

Михаил Андреевич Балугьянский был воспитан на работах немецких представителей теории естественного права С. Пуфендорфа, Г. В. Лейбница, Х. Вольфа и Х. Томазия, а в области политической экономии – на идеях А. Смита. В России, будучи профессором столичного Педагогического института, он не только выступил талантливейшим пропагандистом этих идей, но и перенес их «в организацию финансов русского государства» [Фатеев, 1931, с. 14].

М. А. Балугьянский не заботился о публикации своих работ. В основном это было связано с тем, что у него просто не было времени на это. «Лишь в последние месяцы своей жизни он собирался пересмотреть и привести в порядок свои сочинения о финансах и свои лекции по предметам прав и политической экономии» [Старчевский (ред.), 1849, с. 86–87]. Осуществить это намерение Михаил Андреевич не успел, поэтому из его огромного творческого наследия мало что сохранилось.

Некоторые современники Балугьянского были знакомы с его рукописями. Относительно сочинения «Изображение различных хозяйственных систем» бытовало мнение, что именно оно «создало существующую в нашей литературе терминологию политической экономии» [Д. Б., 1890, с. 80–83]. С уверенностью можно сказать и то, что именно М. А. Балугьянский заложил основы преподавания политической экономии в Педагогическом институте, а следовательно и в Санкт-Петербургском университете. Отмечая особую роль Балугьянского в формировании лучших университетских традиций, один из авторов писал в 1891 г., что он «проводил приемы чисто академические просвещенного германского ученого, посеял ту про-

стоту и товарищеские отношения, которые шли вразрез с политикою Магницких» [Первое двадцатипятилетие…, 1844, с. 833]. Интересен тот факт, что в Педагогическом институте М. А. Балугьянский читал лекции не только по политической экономии, но получал жалование он исключительно за этот курс. Можно предполагать поэтому, что преподаванию политэкономии он уделял особое внимание (см.: [Баранов, 1882, с. 12]).

Михаил Андреевич был, пожалуй, самой яркой и совершенно незаурядной фигурой не только среди профессоров Педагогического института. Его уникальные, всеобъемлющие знания, благодаря которым в России его называли кладезем наук (см.: [Фатеев, 1931, с. 16]), высокий профессионализм, огромное трудолюбие сразу обратили внимание российских реформаторов во главе с Александром I. «Созидательное направление, охватившее наших юных русских преобразователей, – писал директор сенатского архива П. И. Баранов, – заставляло их, пользуясь появлением такой энциклопедической личности, черпать в М. А. Балугьянском все те глубоко научные сведения, которые столь тщательно были уже разработаны европейской цивилизацией… Сколько русских государственных деятелей прошло… школу этого ученейшего наставника» [Баранов, 1882, с. 6, 8]. В частности, Михаил Андреевич был ближайшим сотрудником М. М. Сперанского и министра финансов Д. А. Гурьева. Небезынтересно отметить и то, что именно Балугьянский был избран императрицей Марией Федоровной для преподавания политической экономии великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. Один из учеников М. А. Балугьянского Иван Петрович Шульгин, учившийся в Петербургском педагогическом институте в 1810–1813 гг., а в 1834 г. ставший ректором Санкт-Петербургского университета, отмечал, что в составление полного свода российских законов огромный вклад внесли бывшие студенты Педагогического института, которые выполняли эту работу под руководством Михаила Андреевича. «С каким прежде жадным вниманием и любопытством теснились они вместе с бывшими товарищами вокруг кафедры, с которой раздавался светлый и увлекательный глагол профессора Балугьянского, с такою же тогда готовностью и усердием окружили они своего прежнего любимого наставника; были верными товарищами и соучастниками его трудов и бдений» [Слова и речи…, 1838, с. 22].

В своей записке на имя министра финансов Д. А. Гурьева от 22 ноября 1816 г. М. А. Балугьянский отметил: «Под моим руководством образовано и выпущено до 300 воспитанников, из числа которых многие заняли уже профессорские кафедры в различных учебных заведениях Министерства народного просвещения» [цит. по: Д. Б., 1890, с. 12]. Это было написано за восемь лет до конца профессорской карьеры Михаила Андреевича.

В 1808 г. состоялся первый выпуск студентов Педагогического института. 12 лучших выпускников были отправлены за границу для приготовления к профессорскому званию (см.: [Рождественский (ред.), 1919, с. XIII]). Среди них был ученик Балугьянского Плисов.

В 1816 г. Педагогический институт был преобразован в Главный педагогический институт. Различие состояло не только в названии: Главный педагогический институт был наделен целым рядом прав и обязанностей, которыми ранее могли пользоваться лишь университеты (например, право возведения в ученые степени и звания, обязанность готовить профессоров для высшей школы и др.). При этом «на содержание преобразованного института назначалась сумма вдвое больше определенной на первоначальное образование Педагогического института» [Рождественский (ред.), 1919, с. X–XI]. В 1844 г. тогдашний ректор Санкт-Петербургского университета профессор П. А. Плетнев отмечал, что Главный педагогический институт, существовавший всего два года, представлял «в себе полноту и гармонию университета» [Первое двадцатипятилетие…, 1844, с. 11].

И все же Главный педагогический институт еще не был полноценным университетом. Например, он не выполнял функцию центра по управлению Санкт-Петербургским учебным округом и некоторые другие функции, которые могли быть прерогативой лишь университета. Как отмечал в своем докладе Александру I в феврале 1821 г. министр духовных дел и народ-

ного просвещения А. Н. Голицын, «многолетние опыты показали необходимость учреждения в здешней столице университета вместо Главного педагогического института…» [Об открытии Санкт-Петербургского университета, 1821, с. 428].

В феврале 1819 г. Главный педагогический институт был преобразован в Санкт-Петербургский университет. Сюда перешли студенты и весь личный состав преподавателей Главного педагогического института (см.: [Рождественский (ред.), 1919, с. XIV]). Число преподававшихся дисциплин и деление на три факультета также были оставлены без изменения (см.: [Первое двадцатипятилетие…, 1844, с. 15]).

Вначале университетский курс был рассчитан на три года. Политэкономию изучали на втором курсе философско-юридического факультета, деканом которого с 1817 г., когда это был еще факультет Главного педагогического института, был Балугьянский. Вскоре он был назначен ректором университета, поэтому чтение курса политической экономии с мая 1820 г. было закреплено за М. Г. Плисовым (см.: [Давидович, 1905, с. 122]).

В первой половине царствования Александра I, когда формировался профессорский корпус Педагогического института, его внутриполитический курс был весьма либеральным. Профессорами института стали действительно выдающиеся ученые. В 1819 г. именно они автоматически стали профессорами Санкт-Петербургского университета. Однако, как известно, пожар Москвы в 1812 г. потряс императора настолько, что у него произошел серьезный душевный перелом. Он все глубже проникался религиозно-мистическими настроениями и окружал себя такими мистиками, как Жозеф де Местр, с которым любил беседовать, в частности, об ордене иезуитов, а также баронесса Крюденель, прославившаяся своими экстатическими пророчествами и, как некоторые полагали, внушившая Александру I идею Священного Союза. Мистическая литература, которой зачитывался император, вдохновляемый своими новыми друзьями, побуждала его направить усилия на то, чтобы жить и править в строгом соответствии со Священным Писанием, игнорируя при этом существующие церкви. Естественно, эти увлечения самодержца не могли не оказать сильнейшего влияния на политику в области народного просвещения. Уже в 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения. Изменилось не только название министерства, но и общее направление его политики. Суть этого изменения состояла в том, чтобы «сорвать едва окрепшую систему высшего образования, утвержденную университетскими уставами 1804 г., с глубоких корней философского Просвещения XVIII века и перестроить ее на началах политической реакции и мистического обскурантизма» [Рождественский (ред.), 1919, с. XXXVII].

Чтобы создать благоприятные условия для реализации этого курса, новый министр князь А. Н. Голицын, по словам историка А. А. Корнилова, «окружил себя подходящим личным составом “Главного правления училищ”, при котором открыт был еще “Ученый комитет”, а в него попали лица вроде известного Стурдзы, издавшего за границей памфлет против германских университетов, послуживший там в 1818 г. сигналом гонения на них. Рядом со Стурдзою введены были ханжи и изуверы, вроде Магницкого и Рунича, которые сделались попечителями учебных округов и произвели полный погром только что пущенного в ход при помощи иностранных профессоров дела просвещения» [Корнилов, 1993, с. 115].

К чести тогдашнего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Уварова, он не поддержал новый курс министерской политики. В письме к своему другу Карлу фон Штейну – прусскому государственному деятелю и советнику Александра I, осуществившему глубокие реформы в различных сферах общественной жизни Германии, в частности отменившему крепостное право в этой стране, Уваров писал: «Состояние умов теперь таково, что путаница мысли не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, то есть огня, который бы не жег; другие (а их всего более) кидают в одну кучу Наполеона и Монтескье, французские армии и французские книги… бредни Шишкова и открытия Лейбница; словом, это такой хаос кри-

ков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо; религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, франмасон, фанатик и т. п.; словом – полное безумие. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сделаться исполнительным орудием самых преувеличенных страстей» (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. XXXVIII]).

Жизнь показала, что Уваров шел против течения и потому терпел одно поражение за другим. Именно он открыто выступил против нового попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, осуществившего разгром Казанского университета. В этой борьбе, однако, победил М. Л. Магницкий. Его идея о закрытии Казанского университета была поддержана министром Голицыным, но Александр I все же не решился утвердить этот план. В свою очередь, проект нового устава Санкт-Петербургского университета, разработанный Уваровым в 1820 г. без учета нового курса политики министерства, был заблокирован стараниями Магницкого, а также архиепископа Филарета и Рунича. В результате Устав Санкт-Петербургского университета так и не был утвержден.

В начале 1821 г. директор Санкт-Петербургского университета Д. А. Кавелин, отец известного публициста и общественного деятеля К. Д. Кавелина, воспользовался тем, что учащиеся Благородного пансиона при Санкт-Петербургском университете совершили небольшое нарушение дисциплины и написал письмо Уварову, в котором утверждал, что данный инцидент свидетельствует о грубых просчетах в организации учебного процесса и в преподавании общественных наук. В частности, в письме указывалось на необходимость составить для пансиона такие курсы философии, естественного права, истории и политической экономии, «кои бы не только не противоречили учению Откровения, но, не закрывая мраком лжемудрия, по истине его подтверждали», а «всех ненадежных по совести в сем смысле преподавателей» он предлагал заменить другими по выбору директора, то есть его самого (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. XLI]).

Уваров весьма критически отнесся к этим предложениям. В частности, он писал министру Голицыну: «Что же касается до того, чтобы основать политическую экономию на Откровении, то я сию мысль не постигаю» (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. XLII]).

В этом противостоянии Голицын принял сторону противников Уварова, и последний вынужден был уйти в отставку в июле 1821 г. Кавелин же, одержавший победу, начал искоренять сложившийся в университете порядок и систему образования. Как отмечал один из лучших знатоков истории Санкт-Петербургского университета профессор С. В. Рождественский, «построенный на началах рационалистической философии XVIII века, этот порядок изображался теперь руководителями Министерства духовных дел и народного просвещения как воплощение самого князя тьмы, “с трактатами философии и с хартиями конституции в руке поставившего престол свой на Западе и желающего быть равным Богу”. Такого порядка нельзя было преобразовывать; его надлежало вырвать с корнем» [Рождественский (ред.), 1919, с. XLIII].

После отставки графа Уварова исполняющим должность попечителя Санкт-Петербургского университета и Петербургского учебного округа был назначен член Главного правления училищ Д. П. Рунич. Вскоре после вступления в должность он поручил директору Петербургского университета и состоявшего при нем Благородного пансиона Д. А. Кавелину взять тайно у отдельных студентов конспекты лекций некоторых профессоров и преподавателей. Конспекты поступили в Главное правление училищ, которое, как уже отмечалось, было укомплектовано соответствующими кадрами. Это Правление обвинило профессоров университета Германа, Раупаха, Галича и адъюнкт-профессора Арсеньева в атеизме, маратизме и робеспьеризме и отстранило их от чтения лекций. В ноябре 1821 г. состоялось три заседания университетского суда, на которых председательствовал тот же Рунич и где присутствовали Кавелин и

Балугьянский. Вся четверка ведущих ученых была признана виновной и уволена из университета. Вслед за ними добровольно ушли из университета некоторые другие профессора. Балугьянскому пришлось подать в отставку с ректорского поста, а в 1824 г. он уволился и с должности профессора.

Эта катастрофа, конечно, была бы невозможна без молчаливой поддержки Александра I. Великий князь и будущий император Николай Павлович, видимо, хорошо понимал всю нелепость этой истории и вред, который она принесла. В феврале 1824 г., встретив Рунича, он не без сарказма стал благодарить его от себя, от матери и от великого князя Михаила Павловича за то, что в результате травли, организованной Руничем, уволенных профессоров приняли на службу в патронируемые августейшими особами учебные заведения. «Сделайте одолжение, – заявил он ему, – нам очень нужны такие люди, – пожалуйста, выгоняйте их побольше из университета, у нас для всех найдутся места» (цит. по: [Корсакова, 1918, с. 598]).

История с университетским судом сделала Рунича притчей во языцех. Издевался над ним не только Николай Павлович, но и литераторы. Так, А. Ф. Воейков, в своей знаменитой сатире «Дом сумасшедших» писал:

Други, признаюсь: из кельи,
Уши я, зажав, бежал…
Рядом с ней на новоселье
Рунич бегло бормотал:
«Вижу бесов пред собою;
От ученья сгибнул свет…
Этой тьме Ньютон виною
И безбожник Боссюэт!
Локк запутал ум наш в сети,
Геллерт сердце обольстил;
Кантом бредят даже дети,
Дрекслер нравы развратил!»

(цит. по: [Корсакова, 1918, с. 596]).

За свои заслуги в борьбе с инакомыслием Рунич был назначен попечителем Петербургского учебного округа, но проявил себя как совершенно бездарный администратор. Решения, которые он принимал единолично, без консультаций с профессорским корпусом, были весьма непопулярными и в конечном счете привели университет к тяжелому финансовому кризису. Одно из таких решений, на реализацию которого ушло много средств, состояло в том, что в 1822 г. университет был переведен из здания Двенадцати коллегий на Семеновский плац (напротив казарм Семеновского полка), куда было тяжело добираться и студентам, и профессорам, жившим на Васильевском острове. В 1826 г. Николай I отстраняет Рунича от должности попечителя и отдает распоряжение о начале следствия над ним. В «Обозрении состояния Императорского Санкт-Петербургского университета и его округа по хозяйственной и учебной части за 1826 г.» указывалось, что в результате деятельности Рунича на посту попечителя «университет лишился одиннадцати профессоров, из коих одни, принужденные обстоятельствами, сами оставили оный, а другие были отставлены» [Рождественский (ред.), 1919, с. 603].

Разгром университета в 1821 г. наряду с некоторыми другими причинами, как отмечается в «Отчете по Санкт-Петербургскому университету и его округу за 1826 г.», воспрепятствовали ему «возвыситься до такой же степени, на которой находятся другие того же названия учебные заведения в России» [Рождественский (ред.), 1919, с. 597]. Разрушить всегда легче, чем создать. По словам П. Н. Милюкова, «последствием грозы… была замена лучших профессоров поколением совершенных ничтожностей» [Милюков, 1994, с. 287]. Оценивая

в целом историческое значение того поворота в политике Министерства народного просвещения, который произошел в последний период царствования Александра I, А. А. Корнилов писал: «…народное… просвещение, сильно двинувшееся было вперед в начале царствования, теперь было подавлено, искажено и изуродовано обскурантскими и реакционными мерами клерикалов и изуверов-мистиков» [Корнилов, 1993, с. 130].

Восстановление университета после разгрома 1821 г. происходило долго и болезненно, но, как отмечал профессор С. В. Рождественский, «труднее всего было восстановить… философско-исторический факультет, гнездо вредоносных наук – философии и естественного права», он оказался «наиболее отсталым из всех» [Рождественский (ред.), 1919, с. LXXXIII, LXXXV]. После ухода Балугьянского, а вслед за ним его ученика М. Г. Плисова, который был уволен в 1822 г. за поддержку профессоров, подвергшихся опале, политэкономию в университете вплоть до 1835 г. стали преподавать непрофессионалы типа Н. И. Бутырского и А. Н. Никитенко. При этом Бутырский особенно отличался верноподданническими настроениями. Политэкономию он читал с 1821 г. по А. Смиту с прибавлениями из Ж.-Б. Сэя и других авторов, но в конечном счете вернулся к преподаванию словесности, причем делал это «в духе стародавней схоластической традиции, лишенной уже всякой научности» [Рождественский (ред.), 1919, с. LXXXVI]. Как отмечал еще в 1870 г. профессор В. В. Григорьев, этот курс он «читал небрежно, и его лекции, доставляя слушателям существенного и полезного весьма немного, весьма много приучали к напыщенности и переливанью из пустого в порожнее» [Григорьев, 1870, с. 73]. Можно предположить, что если таким образом Н. И. Бутырский проявил себя в преподавании науки, где он считался профессионалом, то преподавание совершенно чуждой ему политэкономии было поставлено по крайней мере не лучше.

В 1835 г. утвердили новый университетский устав, который фактически отменял права «университетской автономии», закрепленные общеуниверситетским уставом 1804 г. И не случайно он был назван П. Н. Милюковым авторитарным (см.: [Милюков, 1994, с. 300]). В соответствии с уставом 1835 г. университет стал рассматриваться в основном как учебное, а не учебно-научное учреждение. Это был серьезный шаг назад по сравнению с общеуниверситетским уставом 1804 г., который требовал обеспечения органического единства учебного процесса и научных исследований. Что касается кафедры политэкономии и статистики, то она была переведена с юридического факультета на историко-филологическое отделение философского факультета, что отражало стремление власть имущих в максимальной степени удалить указанную кафедру от исследования актуальных теоретико-экономических проблем, имевших ярко выраженное политическое звучание, направить научные исследования российских экономистов в русло академизма.

В новых условиях российские университеты оказались слишком слабыми, чтобы самостоятельно воспроизводить кадры профессоров и преподавателей. Для их подготовки приходилось направлять выпускников российских университетов на своеобразную стажировку в иностранные, в основном германские, университеты, а также в специально для этой цели созданный Профессорский институт при Дерптском университете. Прошедшие столь серьезную подготовку молодые профессора, как правило, владели знаниями в соответствующих науках на европейском уровне, что, конечно, способствовало повышению качества преподавания. Некоторые из них пользовались особой популярностью в студенческой среде. Например, В. С. Порошин, сменивший в 1835 г. Н. И. Бутырского в должности профессора кафедры политэкономии и статистики, по словам его биографа, «официально… читал политическую экономию по сочинению Шторха… Но… при своей обширной начитанности, знакомил слушателей со множеством других вопросов, соприкасавшихся с главным содержанием его лекций, и обращал внимание студентов на возникавшие в то время в Западной Европе учения социалистических школ в сфере политической экономии. Несмотря на полное отсутствие красноречия, Порошин сделался скоро любимейшим из профессоров, благодаря разнообразности его обра-

зования, гуманистическим тенденциям, а главное – благородству своего характера. По словам П. А. Плетнева (ректор университета с 1840 по 1861 г. – *Л. Ш.*), студенты привыкли приходить в аудиторию Порошина с приятным ожиданием услышать что-нибудь научно-любопытное и выходить оттуда с новыми мыслями, каждый раз глубоко обдуманными и полными многоразличного приложения к общественной жизни» [Майков, 1905, с. 578].

В 1843 г. на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета открывается так называемое «камеральное отделение», призванное готовить чиновников и хозяйственников. В блоке экономических дисциплин основное внимание теперь уделялось изучению государственных финансов, форм государственного регулирования экономики, экономике отдельных отраслей. Впрочем, здесь преподавалась и политическая экономия. Все же в Николаевскую эпоху эта наука, как и философия, была не в чести у власть имущих, которые очень опасались (и не без оснований), что ее изучение будет способствовать росту вольнодумства и оппозиционных настроений в среде студенческой молодежи. Преподавание политэкономии было обставлено особенно суровыми ограничениями в 1848 г., когда многие европейские страны захлестнула волна революций. Министерство народного просвещения исходило из того, что изучение этой науки чревато различного рода злоупотреблениями.

Горлов Иван Яковлевич (1814–1890)
Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1466-gorlov-ivan-yakovlevich-2.html

С воцарением Александра II в 1855 г. начался период реформ, которые коснулись и университетского образования. В соответствии с новым уставом, принятым в 1863 г., университетам была предоставлена автономия. Профессорам стало легче публиковать свои сочинения. В 1847 г., после неожиданного ухода из университета В. С. Порошина, для преподавания политэкономии в Санкт-Петербургском университете был приглашен казанский профессор Иван Яковлевич Горлов. Тот факт, что в столице не нашлось ни одного человека, которому можно было бы поручить чтение лекций по политэкономии в университете, свидетельствует о весьма серьезном отставании в этой сфере научных исследований, что было следствием той политики, которую проводило министерство в эпоху царствования Николая I.

И. Я. Горлов был первым профессором Санкт-Петербургского университета, написавшим учебник под названием «Начала политической экономии». В качестве эпиграфа он избрал высказывание Монтескье: «Je n'ai point tiré mes principes de mes prejugés, mais de la nature des choses» («Я не вывожу мои принципы из моих предположений, но из природы вещей») [Горлов, 1859, титульный лист]. Действительно, предметом исследования в двухтомном трактате были, как писал сам ученый, «естественные законы экономии народов» [Горлов, 1859, с. II]. К числу этих законов он относил прежде всего принцип невмешательства. Правда, как справедливо отмечал профессор Н. К. Каратаев, «если во Франции XVIII в. этот лозунг имел определенное антифеодальное содержание, то в России середины XIX в. он использовался либеральными экономистами для охраны феодальной земельной собственности, для невмешательства в земельные дела помещиков и предоставления им свободы при определении своих взаимоотношений с крепостным крестьянином» [Каратаев, 1958, с. 421–422]. Хотя экономические воззрения И. Я. Горлова и претерпели определенную эволюцию, особенно под воздействием реформ, которые проводил Александр II, в целом он неизменно защищал интересы помещиков, за что был подвергнут суровой критике Н. Г. Чернышевским. В то же время он выступил как идеолог буржуазных реформ в области промышленности, транспорта, финансов. Горлов признавал хозяйственные особенности России и считал совершенно необходимым для теоретика использовать экономическую теорию для решения практических задач хозяйственного развития страны. Он хорошо знал как современную ему европейскую экономическую мысль, так и экономику России, хорошо читал лекции, и студенты это ценили. По словам Ф. Н. Устрялова, одного из студентов Горлова, «читал <лекции> достаточно интересно и обладал даром слова. Но все желания его придать более общий смысл преподаваемому предмету разбивались о тесные рамки, в которые в то время была поставлена "Политическая экономия" как наука. Она подвергалась такому строгому преследованию, что некоторые отделы ее были или совершенно исключены, или же преподавались в кратких, отрывочных заметках. Не только было запрещено говорить о новейших теориях и системах, не только строжайшему остракизму подпали доктрины Фурье и Сен-Симона, но даже о Мальтусе и Росси следовало выражаться крайне осторожно» [Устрялов, 1884, с. 125].

В 1880 г. ординарным профессором по кафедре политэкономии в Санкт-Петербургском университете становится Э. Р. Вреден, хотя лекции по политэкономии он начал здесь читать еще в 1873 г. В университете он проработал почти четверть века. Он относился «крайне отрицательно как к "необузданному индивидуализму" либеральной школы, так и к протекционизму, даже в листовской интерпретации» [Л. Л., 1913, с. 829]. В отличие от И. Я. Горлова он занимал четко выраженную критическую позицию по отношению к помещикам и придавал важное значение необходимости активного участия государства в защите интересов рабочих, в частности настаивал на целесообразности введения системы участия рабочих в прибылях предпринимателей при гарантии определенного уровня минимальной заработной платы, а также на организации принудительного страхования рабочих при половинном участии в расходах рабочих и предпринимателей. Он защищал народническую идею о необходимости организации артелей при отказе от использования наемного труда. Можно сказать, что взгляды Вредена, если сравнить их с позицией Горлова, учитывали новые экономические и политические реальности и были более взвешенными.

Основной политэкономической работой Э. Р. Вредена является «Курс политической экономии» (первое издание – в 1874 г., второе – в 1880 г.). Эта объемная книга написана на основе изучения прежде всего немецкой экономической литературы, которую автор «Курса» хорошо знал. Изложение экономической теории сопровождается у него критическим разбором существующих точек зрения по тому или иному вопросу. Например, он доказывает неосновательность представлений о том, что политическая экономия – это учение о ценности, или, как утверждали другие исследователи, наука о народном хозяйстве; критикует взгляды В. Г.

Ф. Рошера, И. В. Вернадского и других по этому вопросу. Опираясь на труды А. Э. Ф. Шеффле, он развивает «учение о морфологии хозяйственных процессов», предлагая даже заменить понятие «учение о распределении» понятием «учение о морфологической законосообразности деяний и явлений в области хозяйства» [Вреден, 1874, с. 42, 48]. Необходимо отметить, что такая постановка вопроса не получила поддержки в российской экономической литературе. То же можно сказать и об отрицании Э. Р. Вреденом существования школ в политической экономии. Некоторые разделы «Курса» были особенно хорошо разработаны, например учение о страховании (этот раздел экономической науки в то время еще не полностью обособился от политической экономии), где автор был специалистом.

В 1890 г. ординарным профессором по кафедре политической экономии и статистики в Санкт-Петербургском университете становится Павел Иванович Георгиевский. В том же году он публикует учебник «Политическая экономия», выдержавший четыре прижизненных издания (пятое издание – в 2016 г.). Как и многие российские авторы курсов по политэкономии, опубликованных в XIX в. (И. Я. Горлов, Н. Х. Бунге, Э. Р. Вреден, Л. В. Ходский, А. А. Исаев и др.), он опирался прежде всего на современную ему немецкую экономическую литературу. В предисловии к первому изданию учебника он сам признал, что во многих его разделах он следовал «главнейшим образом изложению науки, даваемому лучшими представителями историко-этического направления, как Рошер, Книс, Шмоллер, А. Вагнер, Кон и др.)» [Георгиевский, 2016, с. IX]. Компилятивность изложения многих теоретико-экономических проблем в курсе Георгиевского, фетишизация им работ крупных немецких экономистов были подвергнуты весьма острой критике в журнале «Русское Богатство». Так, один из рецензентов в своем отзыве на второе издание указанного учебника писал, что его содержание «приносит соблазнившемуся им читателю горькое разочарование», что при изложении «общего учения о распределении доходов… автор не идет далее слов Д. С. Милля и других давнишних экономистов», а его рассуждения по вопросу о национализации земли «поражают… своей детской наивностью» [А-нко, 1895, с. 1–5]. Что касается рабочего вопроса и современной системы хозяйства вообще, то Георгиевский «ни на шаг» не ушел «далее того, что давным-давно высказывалось экономистами вроде Сэя, Бастиа и в особенности Мальтуса» [А-нко, 1895, с. 7]. Другой рецензент писал, что «4/5 курса <Георгиевского> составляет сплошное заимствование… местами же почтенный профессор входит в такой азарт, что уже сплошь списывает у Бём-Баверка целыми страницами до мельчайших и смешных примеров включительно… Все это делается уж слишком бесцеремонно: не только не ставятся кавычки, но очень часто не делается даже простых ссылок на авторов, которые обираются с такой безжалостностью» [Б. Э., 1896, с. 28].

В соответствии с провозглашенной в августе 1905 г. частичной автономией университетов профессора получили самоуправление. В результате, как отмечалось в запросе правой фракции Государственной думы «О положении дел в высшей школе» (1910 г.), «уже с 1905 г. кадетские течения, возобладавшие в профессуре, последовательно, систематически пользуются своим правом для осуществления партийной тенденции, стараясь провести в состав профессорских коллегий и на должности младших преподавателей исключительно политических единомышленников… Само правительство, отказываясь легализовать конституционно-демократическую партию, тем признает ее противогосударственной, но одновременно оно смотрит с полным безучастием на вышеописанные явления, ведущие к гибели нашу молодежь» [Запрос…, 1910, с. 21–22].

В университеты вернулись многие крупнейшие русские ученые, среди них и Михаил Иванович Туган-Барановский. Он состоял приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, хотя и с перерывами, еще в 1890-х гг.; однако, опасаясь его растущего влияния на находящуюся в оппозиции интеллигенцию и радикальную молодежь в условиях быстрого созревания революционной ситуации в стране, в марте 1901 г. власти запретили ему находиться в столице. Несколько лет он жил в своем имении в Лохвице Полтавской губернии. Вернуться в Петербург

он смог лишь после революции 1905 г. На должность приват-доцента Санкт-Петербургского университета М. И. Туган-Барановский вновь был зачислен с 1 января 1906 г. На этот раз он проработал в Санкт-Петербургском университете ровно семь лет. Он читал здесь лекции и вел практические занятия по политэкономии, которая изучалась на первом курсе юридического факультета. Кроме него, лекции по политэкономии читали ординарный профессор П. И. Георгиевский и иногда приват-доценты В. В. Святловский и В. Г. Яроцкий.

Основным лектором считался П. И. Георгиевский. Это был человек консервативных убеждений, входивший в различные властные структуры, обласканный властями. Он был убежденным противником социализма и марксизма. Что же касается М. И. Туган-Барановского, то он был сторонником социалистической организации общества. В наиболее развернутой и завершенной форме свои взгляды по этому вопросу он представил в одной из последних своих монографий «Социализм как положительное учение» (Пг., 1918). Конечно, социализм Туган-Барановского был бесконечно далек от социализма Ленина. Это был этический социализм, подчеркивавший общечеловеческие ценности и критиковавший капитализм за его анти-гуманность, за то, что он является источником фетишизма и отчуждения. Положение о неизбежной гибели капитализма в результате действия стихийных экономических сил он считал ненаучным. В 1910 г. П. Б. Струве писал: «Туган-Барановский, быть может, самый замечательный из теоретиков, продолжающих Маркса». Он называл его «сознательным апологетом социализма», «самым видным в Европе экономистом-теоретиком, который в то же время является социалистом» [Струве, 1910, с. 127].

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919)

Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/606-tuganbaranovskiy-mikhail-ivanovich.html

Помимо несомненного таланта ученого, более радикальная направленность лекций М. И. Туган-Барановского, учитывая популярность социалистических идей в студенческой среде в начале XX в., во многом предопределила их несравненно больший успех по сравнению с лекциями П. И. Георгиевского. По словам учившегося в 1910–1914 гг. на юридическом факультете Питирима Сорокина, впоследствии всемирно известного социолога, «оба они читали параллельные курсы по политэкономии, но число студентов, записывавшихся на курс Туган-Барановского, было во много раз больше, чем у Георгиевского. Их доходы также разнились соответственно» [Сорокин, 1992, с. 65].

Интересно, что сам П. И. Георгиевский критиковал систему, в соответствии с которой приват-доцент мог читать параллельный (читаемому профессором) обязательный курс, по которому необходимо сдавать экзамен. «Устав 1884 г., – писал он, – очевидно, не предусмотрел невыгодных последствий от поощрявшихся им конкурентных курсов приват-доцентов… Вообще устав 1884 г. весь проникнут началом недоверия к профессорам и наивного… доверия к приват-доцентам. В этом мы видим чрезвычайно важный недостаток устава…» [Георгиевский, 1909, с. 13].

Одно из важных следствий определенного расширения университетской автономии в начале XX в., особенно после революции 1905 г., состояло в легализации деятельности студенческих научно-литературных кружков. После своего возвращения в Санкт-Петербургский университет в 1906 г. М. И. Туган-Барановский с большим энтузиазмом и интересом принимается за организацию и руководство деятельностью такого рода кружков. Подобная форма работы со студентами по сравнению с лекциями давала гораздо большие возможности для свободного дискуссионного обсуждения актуальных вопросов теории и политики, для выявления творческого потенциала наиболее перспективных студентов, для формирования будущих ученых. М. И. Туган-Барановскому все это было чрезвычайно важно и интересно, тем более что он любил работать с молодежью и, будучи одним из крупнейших экономистов своего времени, чутко улавливал пульс движения мировой экономической мысли. Студенты все это хорошо понимали и высоко ценили.

В семинарии (групповое практическое занятие под руководством преподавателя в вузе), просеминарии (практическое занятие в вузе, предшествующее более сложному занятию семинарского типа) и кружке по политэкономии, которыми руководил М. И. Туган-Барановский, царила совершенно особая атмосфера научного поиска, студенты вовлекались в борьбу различных научных школ и направлений, что способствовало усвоению ими высокой культуры научных исследований, привлечению их к большой науке. Лучшие студенческие научные работы после тщательной доработки с учетом результатов их обсуждения публиковались. Так, в 1909 г. была напечатана работа студента В. Гиршфельда «Теорема о пропорциональности предельных полезностей благ их трудовым стоимостям». Она возникла под влиянием лекций и учебника М. И. Туган-Барановского по политэкономии, где идея пропорциональности предельных полезностей благ их трудовым стоимостям получила обстоятельное и глубокое обоснование. Именно эта идея придавала совершенно своеобразное и неповторимое методологическое звучание «Основам политической экономии» Туган-Барановского по сравнению с другими учебниками по политэкономии, написанными русскими экономистами – современниками Михаила Ивановича. Данная концепция уже тогда вызывала критику и неприятие ряда крупных экономистов, прежде всего со стороны недавнего соратника М. И. Туган-Барановского по борьбе с народничеством П. Б. Струве. Тем не менее Туган-Барановский активно ее пропагандировал, в том числе и в студенческой среде. Статья В. Гиршфельда отражает интерес студентов к данной проблеме в начале XX века.

В первом выпуске «Вопросов обществоведения», в редактировании которого принимал участие М. И. Туган-Барановский, была опубликована статья его студента Л. И. Форберта «Учение Бем-Баверка о происхождении дохода на капитал». Примечательно, что автор, видимо

не без влияния М. И. Туган-Барановского, отнюдь не считает теорию прибыли на капитал Е. Бём-Баверка последним словом экономической науки, как это делал Георгиевский. Он приходит к выводу, что, являясь «не чем иным, как эклектической смесью элементов теорий воздержания и производительности», эта теория «несостоятельна» и «не представляет собой никакой новой попытки объяснения дохода на капитал… под новой формой, новыми словами скрываются старые ошибки» [Форберт, 1908, с. 222–223, 241].

В 1912 г. начали издаваться «Труды экономического семинария под руководством Туган-Барановского при юридическом факультете Санкт-Петербургского университета», в которых публиковались лучшие работы его студентов, обсуждавшиеся на семинарии.

Туган-Барановский, как магнит, притягивал к себе студентов. По словам самого талантливого из его учеников Н. Д. Кондратьева, «студенчество теснилось к его кафедре. М. И. находился с ним в очень тесной духовной связи. Этому способствовали в особенности кружки и семинарии, которые работали под его руководством. Можно с уверенностью сказать, что многие и многие, вспоминая свою студенческую жизнь в Петрограде, с большим вниманием и любовью вспомнят и ту напряженную умственную работу, интеллектуальный подъем и волнение, которые пережили в упомянутых кружках. Достоинством этих кружков было то, что М. И. давал почти неограниченную свободу умственному творчеству молодежи. Он менее всего склонен был подавлять ее своим авторитетом и ученостью. Как правило, свободный выбор тем, свободная трактовка их, свободная критика господствовали в кружках М. И. Вот почему там можно было слышать доклады и о теории ренты, и наряду с этим – доклады о природе социологии как науки, о понятиях равенства и свободы, о социологии славы и т. д. Там можно было наблюдать напряженную борьбу направлений» [Кондратьев, 1923, с. 117–118].

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938)
Источник: http://www.promved.ru/images/PV5_6p1r2.JPG

Своим любимым учителем называл М. И. Туган-Барановского Н. Д. Кондратьев. Уже на первом курсе, работая под его непосредственным руководством, он попал под обаяние его личности. Характеристике его личности и творческого пути он посвятил две специальные работы. В одной из них он прямо писал, что «считает себя одним из ближайших учеников» М. И. Туган-Барановского [Кондратьев, 1923, с. 6].

С 1911/12 учебного года П. И. Георгиевский прекращает чтение лекций на юридическом факультете, и курс политэкономии закрепляется за М. И. Туган-Барановским. Такое его выдвижение было совершенно неприемлемо для министерских властей. 20 июля 1912 г. товарищ министра народного просвещения барон М. А. Таубе известил попечителя Санкт-Петербургского учебного округа о том, что поручение чтения общего обязательного курса по политэкономии М. И. Туган-Барановскому утверждается только на осеннее полугодие 1912 г. ввиду предполагаемого замещения этой кафедры. Действительно, с 1913 г. курс «Политическая экономия (общий курс теории и истории)» на юридическом факультете университета читает ординарный профессор И. И. Чистяков, ранее преподававший в Новороссийском университете. Для М. И. Туган-Барановского же было запланировано лишь проведение практических занятий. По существу, это был шаг, направленный на то, чтобы вынудить его уйти из университета. И расчет оправдался. По словам Н. Д. Кондратьева, «Михаил Иванович с болью в душе покидает университет» [Кондратьев, 1923, с. 115] и переходит на работу в Петроградский политехнический институт императора Петра Великого.

Причины, препятствовавшие М. И. Туган-Барановскому занять должность профессора Санкт-Петербургского (Петроградского) университета, исчезли лишь после свержения царского режима. Почти сразу же после Февральской революции, 20 марта 1917 г., Совет Петроградского университета избрал его ординарным профессором по кафедре политической экономии и статистики. Избрание вскоре было утверждено Министерством народного просвещения. Однако М. И. Туган-Барановскому не суждено уже было вернуться в университет. 7 сентября 1917 г. Временное правительство утвердило его генеральным секретарем по ведомству финансов Украинского генерального секретариата. На Украине начался последний, весьма непродолжительный этап научной и политической деятельности выдающегося экономиста.

Важно отметить, что влияние государственной власти на уровень и характер преподавания политической экономии в Санкт-Петербургском университете в дореволюционный период было весьма противоречивым. С одной стороны, именно государство, заинтересованное в повышении общего уровня высшего образования в стране для преодоления отставания России от передовых европейских государств, и особенно в повышении уровня экономического и юридического образования будущих чиновников, инициировало изучение политической экономии в университетах и создавало для этого минимально необходимые условия. С другой стороны, понимая, сколь опасной в идеологическом и политическом отношении является эта наука для самодержавного режима, оно резко ограничивало свободу в преподавании политической экономии всякий раз, когда обострялась внутренняя или международная обстановка. В течение всего дореволюционного периода университетская политическая экономия находилась как бы под колпаком у царизма, что, конечно, обусловливало ее отставание от европейской экономической науки, зависимость от нее, слабость и недостаточную оригинальность ее теоретического ядра, нацеленность на решение прежде всего задач идеологического характера.

Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война наносили удар за ударом по университетской науке, в том числе и экономической: многие ученые погибли, другие эмигрировали, не желая сотрудничать с новыми властями или опасаясь репрессий. В университетах продолжали работать в основном лояльно относившиеся к властям экономисты. Марксизм постепенно утверждался в качестве государственной идеологии, отступление от которой допускалось все в меньшей степени. При этом лишь государство и его идеологические органы вправе были решать, какая интерпретация марксизма является истин-

ной. Всякие отступления от идеологического стандарта рассматривались как ревизия марксизма и все более жестоко преследовались, что вынуждало многих выдающихся экономистов прекращать исследования в области экономической теории и переходить к изучению более отдаленных от идеологии проблем экономической науки или даже вообще покидать эту сферу научной деятельности. Именно так произошло, например, с В. М. Штейном и Е. Е. Слуцким.

Буковецкий Антоний Иосифович (1881–1972)
Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/172-bukovetskiy-antoniy-iosifovich.html

В 1919 г. юридические факультеты университетов, в рамках которых существовали кафедры политической экономии и сформировались традиции российской экономической науки, позволившие ей выйти на европейскую арену, былиупразднены. Вместо них были образованы факультеты общественных наук (ФОН), где преподавание, в том числе и политэкономии, оказывалось в прокрустовом ложе марксизма. Все же на ФОН еще работали весьма известные экономисты. На ФОН Петроградского университета, например, читали лекции профессора С. И. Солнцев (будущий академик), А. И. Буковецкий, В. В. Святловский, К. А. Пажитнов (позже член-корреспондент АН СССР) и др. Его социально-экономическое отделение фактически возглавлял профессор Антоний Иосифович Буковецкий. Двое из его учеников – А. А. Вознесенский и В. В. Рейхардт – позже стали первыми деканами политико-экономического факультета Ленинградского университета, а А. И. Буковецкий – одним из ведущих его профессоров. Именно на факультете общественных наук впервые проявился организаторский талант А. А. Вознесенского. Не случайно в 1922 г. его приглашают на должность секретаря Президиума ФОН. В течение двух с половиной лет он вместе с профессором А. И. Буковецким руководил социально-экономическим отделением ФОН.

В середине 1920-х гг. ФОН были упразднены. Профессора и студенты экономического отделения ФОН Ленинградского университета были переведены в основном на экономический факультет Политехнического института. На рубеже 1920-х и 1930-х гг. был провозглашен позже признанный ошибочным лозунг: «Науку надо до конца ввинтить в производство», в

соответствии с которым, например, в мае 1930 г. в Ленинградском университете были ликвидированы все гуманитарные факультеты. В 1931 г. в совместном письме Президиума Ленинградского областного совета профсоюзов и Директора ЛГУ с гордостью объявлялось, что ЛГУ «представляет собою естественно-научный, физико-математический и химический комбинат» [Письмо Президиума…, 1931, с. 2]. На практике это приводило к дальнейшей деградации и атрофии фундаментальной теории во всех общественных науках, включая политэкономию.

К концу 1920-х гг. до предела обострившаяся внутрипартийная борьба и победа в конечном счете сталинской группировки оказали катастрофическое воздействие на развитие самой марксистской экономической науки. Крупнейшие советские марксологи (Д. Б. Рязанов, И. И. Рубин, Н. И. Бухарин и др.) были ошельмованы и репрессированы. Это подорвало возможность творческого развития в СССР даже марксистского экономического учения.

В 1930-х гг. во многих советских университетах крупные экономисты-теоретики просто отсутствовали. В Ленинградском университете, например, даже общеуниверситетскими кафедрами политической экономии и теории советского хозяйства тогда руководили случайные люди, далекие от науки (Н. Я. Пилявин, А. И. Бланкштейн и др.). Пожалуй, единственным исключением в этом ряду был И. С. Плотников, возглавлявший кафедру политэкономии ЛГУ короткое время в 1931 г.

В конце 1930-х гг. на кафедре политэкономии ЛГУ не было ни одного профессора и даже доцента, а в университетском ученом совете, в состав которого входил 101 человек, не было ни одного экономиста. В декабре 1939 г. студент пятого курса экономического отделения исторического факультета ЛГУ Э. Юдовин писал, имея в виду старую общеуниверситетскую кафедру политэкономии: «Несколько больше года тому назад университетская кафедра политэкономии не была центром ни научной, ни методической работы. Ряд курсов читался на низком уровне. Студенты были недовольны постановкой преподавания политэкономии» [Юдовин, 1939, с. 3].

В 1938 г. в СССР не хватало 300 преподавателей политэкономии и философии. В то же время к началу этого года по всей стране при кафедрах социально-экономических наук имелось всего 7 аспирантов по политэкономии и 25 – по философии. Руководство партии, политика которой довела до подобного кризиса, обвинила в этом и других провалах системы высшего образования так называемых врагов народа. К ним были причислены, в частности, назначенные совсем недавно, в мае 1936 г., председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР И. И. Межлаук и его заместитель, видный советский экономист Ш. М. Дволайцкий а также многие ректоры вузов, в том числе и ректор ЛГУ М. С. Лазуркин. Все они были расстреляны.

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» партийное руководство страны ставит вопрос о необходимости резкого усиления идеологической работы. В резолюции Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР, состоявшегося в 1938 г., указывалось на необходимость «уделить особое внимание преподаванию социально-экономических дисциплин, как одному из основных условий овладения большевизмом. Организовать подготовку и повышение квалификации преподавательских кадров по политэкономии, философии и ленинизму» [Резолюция…, 1938, с. 5]. Таким образом, необходимость открытия политэкономических факультетов для подготовки преподавателей политэкономии обосновывалась потребностями идеологического характера. Задача ставилась так: «…советскому специалисту надо знать основы политэкономии… в такой же мере, как сопротивление материалов» [Первое Всесоюзное совещание…, 1938, с. 64]. В этой обстановке партком ЛГУ поставил вопрос о восстановлении и укреплении кафедры политэкономии. В сентябре 1939 г. заведующим кафедрой был назначен А. А. Вознесенский.

Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950)
Источник: http://www.econ.spbu.ru/fakultet/istoriya-fakulteta

К началу XX в. политическая экономия в России достигла столь высокого уровня зрелости,что впервые обратила на себя внимание европейских экономистов. Немалая заслуга в этом принадлежит экономистам Санкт-Петербургского университета, прежде всего М. И. Туган-Барановскому. Характеризуя историческое место Туган-Барановского в истории русской экономической мысли, Н. Д. Кондратьев писал: «Можно смело утверждать, что М. И. в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьезно прислушаться к движению ее на востоке Европы, в России… это увеличивает национальное значение М. И. Он стал не только вровень с эпохой, не только вровень с научно-экономической мыслью передовых стран, но он мог содействовать прогрессу ее, и в силу этого он больше, чем кто-либо, способствовал тому, чтобы поставить русскую экономическую мысль в ряд с европейскими» [Кондратьев, 1923, с. 112].

Несмотря на кадровую политику царского правительства, направленную на вытеснение оппозиционно настроенных ученых из столичного университета, к 1917 г. Санкт-Петербургский университет продолжал оставаться одним из крупнейших центров экономической науки в стране. 1920–1930-е гг. оказались самыми тяжелыми в истории кафедры политической экономии Санкт-Петербургского университета. Потенциал теоретических исследований, накопленный в дореволюционный период, к сожалению, востребован не был. В результате бесконечных перестроек и репрессий экономическая наука в университете в конечном счете была обескровлена. Насильственно внедряемая сверху монополия утвержденной властями концепции марксизма, использование ее в качестве инструмента в идеологическом арсенале правящей партии выхолостили живую душу великого учения, дискредитировали его, парализовали возможность его эффективного использования в практике экономического строительства и политической борьбы.

Список литературы

А-нко. Кусочек курса политической экономии. Рец. на: П. И. Георгиевский. Политическая экономия. Второе издание. Часть II. Выпуск I // Русское богатство. 1895. № 10. С. 1–11.

Баранов П. И. Михаил Андреевич Балугьянский. Статс-секретарь, Сенатор, тайный советник (1769–1847). Биографический очерк. СПб., 1882.

Б. Э. Новый курс политической экономии // Русское богатство. 1896. № 5.

Вреден Э. Р. Курс политической экономии. Составил Э. Вреден, на основании лекций, читанных в Императорском Санкт-Петербургском университете в 1873–1874 г. СПб., 1874.

Георгиевский П. И. О реформе университетов в России. СПб., 1909.

Георгиевский П. И. Политическая экономия. Изд. 5-е. М., 2016.

Горлов И. Я. Начала политической экономии: в 2 т. Т. 1. СПб., 1859.

Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.

Д. Б. Балугьянский Михаил Андреевич // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: в 6 т. Т. II, вып. 23. СПб., 1890. С. 80–83.

Давидович И. Плисов Моисей Гордеевич // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 122–124.

Запрос. О положении дел в высшей школе (внесенный правой фракцией Государственной Думы) // Вестник студенческой жизни. 1910, сент. Вып. I (IV). С. 20–22.

Зябловский Е. Ф. Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования сего в Санкт-Петербургский университет, с присоединением некоторых из предшествовавших учреждений по части народного просвещения. СПб., 1833.

Карапаев Н. К. Эволюция И. Я. Горлова от крепостничества к дворянскому либерализму // История русской экономической мысли: в 3 т. / под ред. А. И. Пашкова. Т. I, ч. 2. М., 1958. С. 577–580.

Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

Корсакова В. Рунич Дмитрий Павлович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 17. Пг., 1918. С. 592–601.

Л. Л. Вреден Эдмунд Романович // Новый энциклопедический словарь: в 29 т. / [под общ. ред. К. К. Арсеньева]. Т. 11. СПб., 1913. С. 827–828.

Майков П. Порошин Виктор Степанович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 577–580.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2, ч. 2. М., 1994.

О дозволении студентам, кончившим курс учения в бывшем Главном Педагогическом институте, представляться к испытанию прямо на степень магистра // Журнал Департамента народного просвещения. 1822. Ч. 4, янв. С. 26–33.

Об открытии Санкт-Петербургского университета // Журнал Департамента народного просвещения. 1821. Ч. 1, апр. С. 428–443.

Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы // Высшая школа. 1938. № 6–7.

Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского Совета читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844.

Письмо Президиума Облпрофсовета и Директора ЛГУ о массовой технической пропаганде // Ленинградский государственный университет. Бюллетень.1931. № 7. С. 1–4.

Резолюция Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР // Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1938. № 6–7.

Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. I / сост. И. Л. Маяковский и А. С. Николаев; под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919.

Слова и речи, читанные ректором и профессорами Санкт-Петербургского университета в день открытия его в бывшем здании Двенадцати коллегий 12 марта 1838 г. СПб., 1838. С. 1–30.

Сорокин П. Дальняя дорога. М., 1992.

Справочный энциклопедический словарь: в 12 т / под ред. А. Старчевского. Т. 2. СПб., 1849.

Струве П. Экономическая система М. И. Туган-Барановского // Русская мысль. 1910. № 1.

Устрялов Ф. Н. Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Т. XVII. С. 112–134.

Фатеев А. Н. Академическая и государственная деятельность М. А. Балугьянского (Балудянского) в России. Ужгород, 1931.

Форберт Л. Учение Бэм-Баверка о происхождении дохода на капитал // Вопросы обществоведения: в 3 вып. Вып. I. СПб., 1908. С. 213–242.

Юдовин Э. О работе кафедры политической экономии // Ленинградский университет. 1939. 31 дек. № 48. С. 3.

М. В. Марков
Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете (1819–1917): организация, содержание и политика правительства

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Марков М. В.* Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете (1819–1917): организация, содержание и политика правительства // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 32–52.

В статье представлено развитие преподавания политической экономии в Санкт-Петербургском университете и воздействие на него нормативно-правовых актов Российской империи. Реконструируется хронология и содержание преподавания политической экономии в рамках организационных структур, задаваемых общими уставами Императорских российских университетов и другими документами.

Ключевые слова: Императорский Санкт-Петербургский университет, кафедра политической экономии, Педагогический институт, Главный педагогический институт, университетский устав в Российской империи.

Введение. Цель нашей работы состоит в том, чтобы проследить основные этапы преподавания политической экономии в Санкт-Петербургском университете в XIX – начале XX в., рассмотрев регулирующие его деятельность нормативные акты. Разумеется, прежде всего характер преподавания определялся личностями, занимавшими профессорскую кафедру политической экономии (табл. 1). Вместе с тем в данный период преподавание вообще, а в политической экономии особенно было тесно связано с государственной политикой в области науки и образования. Правительство ставило противоречивые задачи: с одной стороны, оно стремилось обеспечить условия для развития в России науки мирового уровня, с другой – препятствовало распространению тех идей, которые представлялись разрушительными для государства. Как показала история, выполнена была только первая задача, а торжество революционных идей привело к крушению не только империи, но и Императорского университета.

Предыстория политической экономии в Санкт-Петербурге (1803–1819). Преподавание политической экономии как самостоятельной науки начинается в России в царствование Александра I (1801–1825), когда эта наука приобретает особую популярность и в правительственных кругах, и в светском обществе. Первое упоминание политической экономии в документах, связанных с образовательной реформой александровского царствования, появляется в «Предварительных правилах народного просвещения» (24 января 1803 г.), заложивших основу этой реформы. «Предварительные правила» предполагают, что «основания политической экономии» должны преподаваться уже в гимназиях[3].

[3] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. I. Т. 27, № 20597, гл. II. 35.

Таблица 1. **Список ординарных профессоров кафедры политической экономии (с 1835 г. – кафедры политической экономии и статистики) Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917)**

Фамилия, имя и отчество	Годы жизни	Годы службы в университете	
		Всего	Штатным профессором
Балугьянский Михаил Андреевич	1769–1847	1819–1824	1819–1821
Бутырский Никита Иванович	1783–1848	1819–1835	1821–1835
Порошин Виктор Степанович	1811–1868	1835–1847	1835–1847
Горлов Иван Яковлевич	1814–1890	1847–1873	1847–1873
Янсон Юлий Эдуардович	1835–1893	1865–1893	1873–1890
Вреден Эдмунд Романович	1835–1891	1866–1891	1880–1891
Георгиевский Павел Иванович	1857–1938	1882–1919	1890–1912
Кауфман Илларион Игнатьевич	1848–1915	1889–1915	1901–1915
Чистяков Иван Иванович	1873 — ?	1912–1917	1912–1917

Затем, 25 июля 1803 г., был утвержден новый устав Санкт-Петербургской академии наук. В уставе в числе наук, «коих усовершенствованием Академия должна заниматься», впервые упоминается «экономия политическая» и вводится должность ординарного академика в области политической экономии[4]. Первым академиком по разряду политической экономии был избран в 1804 г. Андрей Карлович Шторх (Heinrich Friedrichvon Storch, 1766–1835), который сыграл впоследствии важную роль в развитии экономического образования в России. Уроженец Риги, Шторх получил образование в Йенском и Гейдельбергском университетах. Рано привлек к себе внимание работами в области статистики. В 1788 г., заручившись покровительством русского вельможи Николая Петровича Румянцева (1754–1826), вернулся в Российскую империю, где началась его академическая, чиновническая и придворная карьера. В 1813 г. Шторху поручают чтение курса политической экономии младшим братьям императора – великим князьям Николаю и Михаилу. На основе прочитанных лекций в 1815 г. в Санкт-Петербурге Шторх издает на французском языке курс политэкономии под названием «Cours d'économie politique ou exposition desprincipes qui dé terminentla prospéritédes nations». В 1819 г. Карл Pay публикует сокращенный немецкий перевод этой книги со своими комментариями. Также в 1823 г. книга Шторха была перепечатана в Париже Жаном Батистом Сэем, который дополнил ее примечаниями и критикой. Благодаря изданию своего курса Шторх стал наиболее известным русским экономистом XIX века в европейской науке. Хотя книга Шторха оказала существенное влияние на развитие русской экономической науки, ее частичный перевод на русский язык, как исторического памятника, вышел только в 1881 г., а полный уже в наше время – в 2008 г. – под названием «Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода». Причина этого заключается в том, что в своих лекциях Шторх, обращаясь к великим князьям, откровенно рассказывает об экономических проблемах Российской империи и критикует крепостное право, что сделало невозможным, по цензурным соображениям, публикацию книги Шторха в царствование (1825–1855) его ученика, императора Николая I. Несмотря на отсут-

[4] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 27, № 20863.

ствие русского перевода, в первой половине XIX в. курс Шторха часто использовался в качестве основного учебника политической экономии в русских университетах.

Еще одной составляющей реформы Александра I стало создание университетской системы – уже существовавшие высшие учебные заведения были преобразованы, а также были учреждены новые. 18 мая 1803 г. был принят устав Виленского университета, 12 сентября 1803 г. – Дерптского, а 5 ноября 1804 г. – уставы русских университетов: Московского и учреждаемых Харьковского и Казанского. В Москве, Харькове и Казани на отделении нравственных и политических наук создавались кафедры дипломатики и политической экономии (см.: [Жарова, 2011]).

Одновременно начался процесс образования (воссоздания) университета в Санкт-Петербурге, который проходил в несколько этапов. Прежде всего, в правительственных кругах не существовало единого мнения о необходимости университета в столице, ведь европейский опыт показывал, что университеты лучше развиваются в провинции (см.: [Жуковская, 2013]). Кроме того, хотя основанный в 1724 г. Академический университет фактически прекратил существование в конце XVIII в., Академия продолжала деятельность в сфере высшего образования. Также в Санкт-Петербурге существовала учрежденная в 1783 г. учительская семинария, преобразованная в 1803 г. в гимназию. Очевидно, что учительская гимназия изначально создавалась как учреждение высшего, а не среднего образования. Об этом свидетельствует приглашение для преподавания в ней ряда иностранных профессоров, в числе которых был М. А. Балугьянский (1769–1847), ставший основоположником преподавания политической экономии в Санкт-Петербурге и профессором кафедры политической экономии до 1821 г. (о Балугьянском см. статьи Л. Д. Широкорада и А. Н. Дубянского в настоящем издании).

Следующим этапом стало учреждение в 1804 г. на основе учительской гимназии Педагогического института. Поскольку институт должен был готовить учителей для губернских гимназий, «Правила для Педагогического института» предполагали создание ряда профессорских кафедр для «преподавания в оном положенные в губернских гимназиях науки с возможною обширностью»[5]. В числе должностей действительных профессоров была и должность профессора экономии политической и коммерческих наук. Таким образом, кафедра политической экономии в Санкт-Петербурге возникла раньше университета, днем ее рождения можно считать 16 апреля (28 апреля по новому стилю) 1804 г., когда были утверждены «Правила». Более того, поскольку «Правила для Педагогического института» были приняты раньше, чем предполагавшие создание кафедр политической экономии уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов, кафедра политической экономии Санкт-Петербургского университета может по праву считаться первой кафедрой политической экономии в Российской империи.

В § 66 «Правил» подробно перечисляются обязанности профессора политической экономии. Процитируем его полностью, поскольку можно с большой вероятностью предположить, что этот параграф был подготовлен при участии самого Балугьянского (его не могли составить чиновники Министерства просвещения), а значит, позволяет нам познакомиться с системой его преподавания. «Профессор политической экономии, следуя в своих преподаваниях порядку Зонненфельса, в 1-й части будет читать о родах гражданских обществ, покажет начала политических, гражданских и уголовных законов и объяснит о гражданском благоустройстве. Во 2-й части о существе народного богатства и источнике оного по правилам Шмита, Рюйша, Герреншванда и Канара, разбирая и других авторов, известных по сей материи; потом предложит способы к распространению земледелия, фабрик, коммерции и мореплавания;

будет говорить о обращении денег, доверии в торговле, о банкирских векселях и равновесии коммерции. В 3-й – о государственных доходах и способах, как привести оные в лучшее

[5] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 28, № 21265.

состояние, о обыкновенных доходах и как можно увеличить оные, и объяснит о управлении помещичьих и государственных волостей. Потом, дошедши до податей, покажет, какие могут быть сборы с недвижимых имений, с домов, с приема и раздачи сумм в процент; наконец о доверии самого гражданства, банковых и гербовых листах и других источниках государственной казны»[6].

Прокомментируем имена авторов, на труды которых, по мысли составителя правил, должен опираться профессор политической экономии. Прежде всего, это Йозеф Зонненфельс (1732–1817) – австрийский ученый, литератор и государственный деятель, профессор Венского университета и учитель Балугьянского, в области экономической науки – представитель камерализма. Его основная работа «Основы политики, торговли и финансовой науки» (Grundsätze der Polizei, Handlungund Finanzwissenschaft) впервые вышла в 1765–1767 гг., выдержала восемь изданий и, по свидетельству Й. Шумпетера, оставалась официальным учебником в Австро-Венгрии вплоть до 1848 г. [Шумпетер, 2001, с. 218]. В 1787 г. эта книга вышла в русском переводе под названием «Начальные основания полиции или благочиния». К сожалению, нам не удалось установить, кто имеется в виду под фамилиями Рюйш и Шмит (было бы логично предположить, что «Шмит» – это Адам Смит в немецкой транскрипции). Швейцарский физиократ Жан Херреншванд (1728–1812) был достаточно популярен в свое время, а его учебник «De l' economie politique moderne» (1786 г.) был опубликован в 1807 г. на русском языке под названием «О новейшем государственном хозяйстве». Наконец, французский экономист и математик Николя-Франсуа Канар (1754–1833) наиболее известен вкладом в теорию налогообложения, его «Principes d' économie politique» вышли в 1801 г. Итак, мы видим, что преподавание политической экономии предполагалось на самом высоком уровне.

В 1811 г. политическую экономию стал также преподавать один из первых выпускников Педагогического института М. Г. Плисов (1783–1853), сначала в должности преподавателя, затем адьюнкта (1812–1817 гг.) и экстраординарного профессора (1817–1823 гг.). После увольнения из университета Плисов поступил на государственную службу, где добился определенного успеха, был произведен в чин тайного советника и стал сенатором (1852 г.). К сожалению, Плисов не оставил печатных работ по политической экономии, поэтому судить о его вкладе в науку мы не можем.

23 декабря 1816 г. произошла еще одна перемена в жизни Педагогического института – был принят нормативно-правовой акт, получивший название «Новое образование Главного педагогического института», согласно которому Педагогический институт был переименован в Главный педагогический институт и его задачей стала подготовка не только учителей, но и магистров, адьюнктов и профессоров для всех училищ империи[7]. Курс высших наук в этом учебном заведении делился на три отделения (впоследствии три факультета): 1) наук философических и юридических; 2) наук физических и математических; 3) наук исторических и словесных, при этом кафедра политической экономии относилась к первому отделению. В документе «Новое образование Главного педагогического института» появляется также кафедра статистики, которая относится к третьему отделению.

Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете в первый период его существования (1819–1847). После ряда описанных выше экспериментов в правительстве возобладало мнение о необходимости учреждения в столице университета и 8 (20) февраля 1818 г. был принят документ «Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета», переименовывающий Главный педагогический институт в универ-

[6] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 28, № 21265.

[7] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 33, № 26573.

ситет[8]. Этот документ явился вехой, которая определила начало работы кафедры в рамках университета, но с точки зрения преподавания ничего не изменил, сохранив действие устава Главного педагогического института (с 1824 г. на управление Санкт-Петербургским университетом был распространен устав Московского университета).

Следует заметить, что формальный список кафедр, предполагавшийся уставами, по которым работал университет (Главного педагогического института и Московского университета 1804 г.) описывал желаемое, а вовсе не реальное положение дел. Так, Балугьянский читал не только политическую экономию, но и энциклопедию политических и юридических наук, а Плисов – также естественное и римское право (см.: [Григорьев, 1870, с. 14, 32]). Впрочем, очень скоро Балугьянскому и Плисову пришлось оставить преподавание – новый статус не стал защитой против разгрома университета в условиях усиления клерикальных и полицейских тенденций в государственном управлении.

После разгрома университета в 1821 г. в преподавании политической экономии начался странный период – ею занялись филологи. Профессором политической экономии стал Н. И. Бутырский (1783–1848), занимавший также кафедру российской словесности (возможно, это не так удивительно, если вспомнить, что и Адам Смит читал лекции по истории английской литературы). О Бутырском мало что можно сказать как об экономисте, известно, что в 1829 г. на торжественном акте университета он прочел лекцию «Об учении Адама Смита и нравственном направлении, какое надлежало бы дать политической экономии» [Григорьев, 1870, с. 61]. Бутырский пробыл профессором до 1835 г., и в разные годы объявляемый им курс носил название: «Политическая экономия», «Народное хозяйство» или «Государственное хозяйство», «Финансы, по теории Адама Смита, с прибавлениями из Сэя».

Еще одним историком литературы, который преподавал политическую экономию в качестве адьюнкта, был в 1830–1832 гг. А. В. Никитенко (1804–1877), перешедший затем на кафедру словесности и ставший в 1849 г. ее ординарным профессором. Никитенко оставил одну печатную работу, посвященную политической экономии, которая написана велеречивым стилем, но слаба с теоретической точки зрения. Приведем, для примера, характеристику Адама Смита из этой статьи: «Сей знаменитый муж, подобно немногим в других родах познаний, которых природа, кажется нарочно производит в ту минуту, когда брожение новых полезных идей достигнет, так сказать, последнего своего процесса и когда нужно дать им определенность, образ и образу сему жизнь, – сей знаменитый муж, говорю, первый снискал политической экономии право на сан науки и почетное место в святилище истины» [Никитенко, 1827, с. 239].

Перемены в преподавание политической экономии внес «Общий устав Императорских российских университетов», принятый 26 июля 1835 г.[9] Прежде всего устав изменил организационное подчинение кафедры: университеты должны были делиться на три факультета – философский, юридический и медицинский (последний в Санкт-Петербурге отсутствовал). Философский факультет состоял из двух отделений – историко-филологических и естественных наук. Кафедра политической экономии относилась к первому отделению и при этом объединялась с кафедрой статистики. Объединение политической экономии и статистики сохранилось до конца императорского периода, впоследствии ее занимали, как правило, сразу два профессора, но первоначально положение профессора кафедры усложнилось – он должен был читать сразу две науки. Новая организация факультетов отделила политическую экономию от юридических наук, притом что на юридическом факультете было образовано две кафедры с близкой к экономической науке предметной областью – законов благоустройства и благочиния, а также законов о государственных повинностях и финансах. Впоследствии по инициативе Совета университета предметы были перегруппированы, и начиная с 1843/44 учебного

[8] ПСЗРИ, Собр. I. Т. 36, № 27675.

[9] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 10, № 8337.

года был открыт особый, камеральный разряд юридического факультета, объединявший юридические, экономические и прикладные технические науки. Камеральный (с 1860 г. – административный) разряд просуществовал до 1882 г.

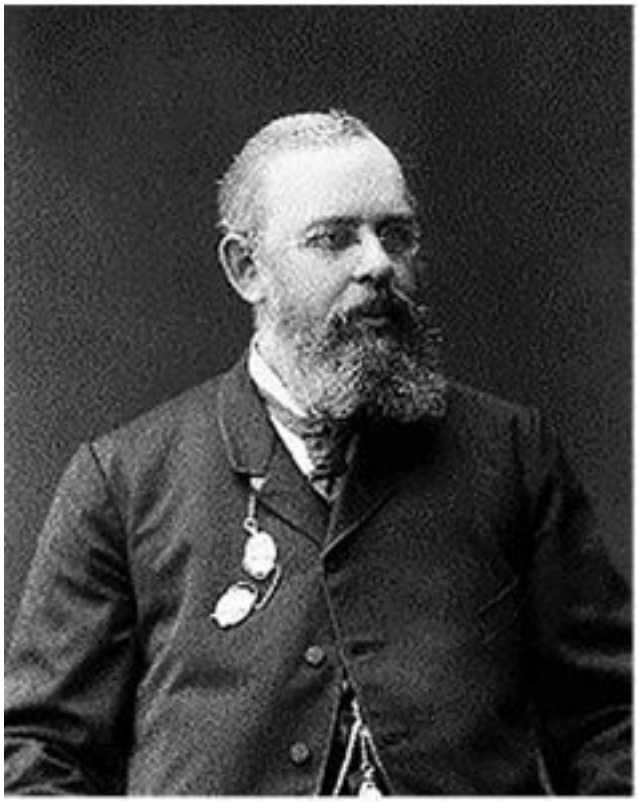
Отметим еще одну новацию устава 1835 года – профессор, прослуживший 25 лет, удостаивался звания заслуженного, после чего его кафедра признавалась вакантной, заслуженный профессор снова должен был пройти процедуру избрания, а при увольнении приобретал право на пенсию в размере полного оклада своего жалования. Тем самым создавался мотивационный механизм обновления преподавательского состава. Министр народного просвещения С. С. Уваров (1786–1855) напрямую ставил задачу удаления «профессоров без заслуг, но без нарекания, опоздалых на их поприще, малоспособных к преподаванию» (цит. по: [Костина, 2013, с. 234]).

В результате в 1835 г. Бутырского заменил несомненно более квалифицированный В. С. Порошин (1811–1868), защитивший в 1838 г. докторскую диссертацию на тему «Критические исследования об основаниях статистики». Согласно «Объявлениям публичного преподавания наук», курс Порошина носил название «Политическая экономия по руководству Шторха», но, очевидно, его содержание было шире – книга Шторха к тому времени уже устарела. При этом еще раз обратим внимание на подмеченный Л. Д. Широкорадом факт: борьба бюрократии с «инакомыслием» привела к тому, что место вполне консервативных Балугьянского и Плисова занял профессор, который «обращал внимание студентов на возникавшие в то время в Западной Европе учения социалистических школ в сфере политической экономии» [Майков, 1905, с. 578].

В 1847 г. Порошин неожиданно покинул кафедру, не оставив преемника, способного занять его кафедру. С уходом Порошина можно связать один интересный эпизод из истории русской экономической мысли. В 1847 г. либеральный чиновник А. И. Бутовский (1817–1890) опубликовал «Опыт о народном богатстве, или началах политической экономии» в трех томах, ставший первым русским учебником политической экономии, где попытался примирить французский либерализм Дюнуайе и Бастия с самодержавием и крепостным правом. Для того чтобы предотвратить преподавание по этому учебнику в русских университетах, а возможно, и чтобы воспрепятствовать избранию Бутовского на кафедру политической экономии, молодой революционный демократ, близкий к кружку петрашевцев, В. А. Милютин (1826–1855), выпускник университета, а впоследствии адъюнкт кафедры законов благоустройства и благочиния (1850–1854), выступил в 1847 году с серией статей в журналах «Современник» и Отечественные записки» [Милютин, с. 273–444], где свою критику Бутовского использовал в качестве предлога для критики классической политической экономии в целом. При этом его аргументация была настолько убедительна, что через несколько десятилетий «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» сообщал об «Опыте» Бутовского только то, что это сочинение «дало молодому талантливому публицисту В. А. Милютину повод написать две критические статьи» [Бутовский Александр, 1891, с. 84]. Статьи Милютина стали одним из наиболее заметных явлений в русской экономической науке 1840-х гг.

Академизация преподавания (1847–1905). В 1847 г. вопрос о замещении кафедры политической экономии и статистики в Санкт-Петербургском университете был решен в административном порядке – на нее был перемещен профессор Казанского университета И. Я. Горлов (1814–1890) (о Горлове см.: [Белозеров, 2009]). Несмотря на характер этого назначения, Горлов зарекомендовал себя как серьезный ученый, и с его именем связана профессионализация преподавания и научной деятельности в области политической экономии в Санкт-Петербургском университете. Немаловажно также и то, что Горлов первым в университете издал учебник по политэкономии – двухтомник «Начала политической экономии» (СПб., 1859–1862).

В период профессорства Горлова был принят новый «Общий устав Императорских российских университетов» (1863)[10], по которому кафедра политической экономии окончательно (в императорский период) вошла в состав юридического факультета. В том же году Горлов стал заслуженным профессором, но в отставку вышел лишь через десять лет. Одновременно на кафедре появляются младшие преподаватели, читающие параллельные курсы.



Янсон Юлий Эдуардович (1835–1893)
Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/person/378-yanson-yuliy-eduardovich.html

Прежде всего, это сменивший Горлова в 1873 г. в должности ординарного профессора Юлий Эдуардович Янсон (1835–1893). Закончив Киевский университет, в 1864 г. Янсон защитил магистерскую диссертацию «Значение теории ренты Рикардо в науке политической экономии» в Санкт-Петербургском университете, где со следующего года начал работу в качестве приват-доцента. Вскоре он публикует «Краткий курс политической экономии» (СПб., 1865–1866). Несмотря на то что впоследствии основные научные и преподавательские Янсона сместились в область статистики (в 1871 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Направления в научной обработке нравственной статистики»), он пользовался особым авторитетом как среди политэкономов, так и среди статистиков. Янсона можно назвать основателем формировавшейся петербургской научной школы, в университете продолжили работу его ученики, среди которых были П. И. Георгиевский, Л. В. Ходский, В. Г. Яроцкий и др.

В 1866 г. приват-доцентом кафедры политической экономии становится также Эдмунд Романович Вреден (1835–1891), защитивший магистерскую диссертацию «Государствоведение Сансовино и всемирные реляции Ботеро» (о Вредене см.: [Соколов, 2009]). Вреден читает курсы по статистике и истории политической экономии. В 1870 г. защищает докторскую диссертацию «Страховые артели и долевая рабочая плата». В 1873 г., после ухода И. Я Горлова

[10] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 38, ч. 1, № 39752.

в отставку, Вреден становится экстраординарным профессором и за ним закрепляется курс политической экономии. При этом он не теряет интереса и к истории экономических учений – в разные годы объявляет специальные курсы, «Объяснительные чтения» по Адаму Смиту, Д. Рикардо и Дж. С. Миллю. Также он читал ряд оригинальных курсов: «Морфология бытового строя современного хозяйства», «Бытовой строй промышленных предприятий и экономические условия их приложения к разным производствам» и др. Вреден неоднократно публиковал пособия (конспекты лекций) по читаемым им курсам, но положительного отклика они не встретили. Наконец, в 1880 г. он становится ординарным профессором кафедры политической экономии и статистики – с этого времени закрепляется практика избрания двух профессоров по данной кафедре.

Начиная с 1882–1883 учебного года деление юридического факультета на административный и юридический разряды было отменено. Затем некоторые новации в преподавание внес «Общий устав Императорских российских университетов» 1884 г., ставший последним в Российской империи. Новый устав отменял штатные должности младших преподавателей – постоянный оклад стали получать только профессора. Профессор по истечении тридцати лет учебной службы переходил в категорию «внештатных профессоров», оставаясь при этом членом факультета и получая пенсию в размере полного оклада. Кроме того, вводилась гонорарная система – гонорары за лекциимогли получать профессора и приват-доценты.

Вреден Эдмунд Романович (1835–1891)
Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/32-vreden-edmund-romanovich.html

Согласно уставу, со студентов за слушание лекций наряду с платой в пользу университета также взималась отдельная плата в пользу преподавателей – один рубль за час учебных занятий в неделю в течении полугодия. При этом устав предусматривал: «Если один и тот же предмет преподается несколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекции и

принимать участие в практических упражнениях у того из означенных преподавателей, у кого он сам пожелает» (ст. 73)[11]. Данное положение устава призвано было поощрить конкуренцию в чтении обязательных курсов со стороны не входящих в штат преподавателей.

Конкурентное начало в преподавании университетских курсов, с одной стороны, могло повысить степень автономности науки, ее независимости от административного и политического давления, допустив разнообразие представляемых взглядов. Но с другой стороны, существовала опасность, что лекторы, стремясь привлечь на свой курс больше слушателей, начнут заискивать перед студентами, потворствуя в том числе их политическим взглядам. Кроме того, конкуренция способствовала конфликтам между преподавателями. Так, например, гонорар за чтение курса политической экономии мог представлять достаточно внушительную сумму. Этот курс, который читался четыре часа в неделю в течение одного полугодия, являлся обязательным на юридическом факультете, также на лекции допускались студенты других факультетов и вольнослушатели. Как мы увидим, именно при чтении курса политической экономии конкурентная ситуация неоднократно возникала в Санкт-Петербургском университете. Отметим, что такая ситуация была, скорее, исключением. По свидетельству П. И. Георгиевского, «кажется, ни в одном из русских университетов, кроме Санкт-Петербургского, а в последнем – ни в одном факультете, кроме юридического, до последних лет конкурентных обязательных курсов приват-доцентами не читалось» [Георгиевский, 1909, с. 131–132].

Георгиевский Павел Иванович (1857–1938)
Источник: https://vivaldi.nlr.ru/lh000001391/details

По новому уставу, в 1890 г. Янсон, начавший академическую службу в Горигорецком земледельческом институте, должен был покинуть штатную должность профессора. Смену себе он стал готовить заранее. Первым его учеником, начавшим работу в университете, стал

[11] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 4, № 2404.

в 1882 г. Павел Иванович Георгиевский (1857–1938) (о Георгиевском см.: [Дмитриев, Чебаненко, 2012]). В 1885 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Международная хлебная торговля», а в 1887 г. докторскую диссертацию «Финансовые отношения государства и частных железных дорог». Первоначально Георгиевский ведет практические занятия и специальный курс по статистике, но уже в 1885/86 учебном году объявляет параллельный с Вреденом курс политической экономии (заметим, что впоследствии он будет критиковать конкурентное преподавание). В 1888 г. Георгиевский становится экстраординарным, в 1890 г. – ординарным профессором. Политическая экономия становится основной преподавательской специальностью Георгиевского, а для преподавания статистики приглашается приват-доцент кафедры финансового права И. И. Кауфман (1848–1915), в 1901 г. ставший вторым ординарным профессором кафедры политической экономии и статистики (с 1893 г. – экстраординарный профессор).

О теоретических взглядах Георгиевского и содержании преподаваемого им курса можно судить по его впервые вышедшему в 1890 г. и выдержавшему четыре издания учебнику «Политическая экономия». Структура учебника достаточно оригинальна. Он состоит из введения и частей, посвященных производству ценностей, обращению ценностей, распределению ценностей, а также употреблению и уничтожению ценностей. Оригинальность этой структуры заключается в том, что, следуя в общем классической воспроизводственной схеме, Георгиевский особое значение придает уничтожению и употреблению ценностей, ставя себе это в заслугу: «Признание важности этого отдела экономической науки, не только не уступающего по своему содержанию другим отделам, но даже, по нашему мнению, превосходящего прочие отделы по своему значению, выдвигается нами, едва ли не впервые в экономической науке» [Георгиевский, 1904, с. 282].

Употребление ценностей для Георгиевского (он настаивает именно на этом термине, который уместнее, по его мнению, термина «потребление») имеет для него значение само по себе, а не как основа теории ценности. Уделяя много внимания критике Маркса, Георгиевский отказывается от трудовой теории ценности, но не переходит и к теории предельной полезности, хотя с последней теорией он был прекрасно знаком. Именно Георгиевский впервые в России, как утверждает Ю. И. Будович, представил в популярном курсе науки таблицу Менгера [Будович, 2004, с. 31–32]. Кроме того, будучи убежденным противником социализма, Георгиевский выпустил перевод на русский язык «Теории Карла Маркса и ее критики» О. Бём-Баверка (СПб., 1897). Теорию ценности Георгиевский заменяет теорией издержек производства, а также выдвигает свою собственную теорию «общественности». Эта категория выступает у него в роли четвертого фактора производства и проявляется в следующих основных формах: правовой порядок, знание и общественная кооперация. Исходя из этого, ученый стремится доказать, что общественность является источником «избытка» (чистого продукта), «который и должен идти на поддержание общественности или, что то же, на удовлетворение потребностей ее, как они в ней сложились и развились» [Георгиевский, 1904, с. 257].

Можно предположить, что Георгиевский уловил существование тех явлений, которые в экономической науке XX в. получили название внешних эффектов и общественных благ. Тем не менее четко сформулировать свое прозрение Георгиевский не смог, и его теория не привлекла внимания современников, несмотря на старания автора, который излагал ее в отдельных брошюрах на французском и немецком языках и, перейдя в разряд почетных профессоров, объявил чтение особого спецкурса «Социальный вопрос и теория общественности». Наконец, в 1924 г., находясь уже в эмиграции, он выступил на годичном заседании Русского юридического факультета в Праге с докладом «Общественность в народном хозяйстве».

Среди сотрудников юридического факультета университета Георгиевский выделялся своим консерватизмом и лояльностью к бюрократии. Однако политическая и научная мода того времени была совсем иной – в области политической экономии популярность приобре-

тает учение Маркса, которое проникает в том числе и в университеты. Этим российские университеты отличались от европейских. Так, «до 1918 года среди официально утвержденных профессоров и адъюнкт-профессоров в университетах Германии не было ни одного социал-демократа» [Рингер, 2008, с. 172–173]. Все коллеги Георгиевского, пришедшие в университет с конца 1880-х гг. и до революции 1905 г. были связаны с марксизмом и, так или иначе, с революционным движением.

Первые учебники политической экономии марксистского направления, изданные преподавателями Санкт-Петербургского университета, принадлежат А. А. Исаеву (1851–1924) и Л. В. Ходскому (1854–1919). Андрей Алексеевич Исаев был приват-доцентом кафедры политической экономии в 1889–1899 гг. Его «Начала политической экономии» пользовались большой популярностью в дореволюционной России и выдержали семь изданий. О популярности курса Исаева в студенческой среде свидетельствуют опубликованные данные о гонораре профессоров и приват-доцентов в 1895 и 1896 гг. Судя по ним, в 1895–1896 учебном году профессор Георгиевский читал курсы политической экономии, статистики (последний также читали Кауфман, Ходский и Яроцкий), а также специальный курс «Пути сообщения в народном хозяйстве и государстве») и получил гонорар в размере 1049 рублей. При этом приват-доцент Исаев, читавший один параллельный курс политической экономии, получил гонорар в размере 7298 рублей [Список…, 1896, с. 2].

Исаев Андрей Алексеевич (1851–1924)
Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/person/184-isayev-andrey-alekseyevich.html

Леонид Владимирович Ходский не преподавал политическую экономию в университете, он с 1892 г. был приват-доцентом, а с 1895 г. – профессором кафедры финансового права, но являлся автором «Политической экономии в связи с финансами», которая также переиздавалась с 1884 г. несколько раз. Отметим, что оба эти преподавателя занимались политической деятельностью, подверглись преследованию и были уволены из университета распоряжением Министерства народного просвещения как неблагонадежные: Исаев – в 1899 г. после студен-

ческих волнений, а Ходский – в 1905 г. Леонид Владимирович вернулся в университет в 1910 г. в качестве приват-доцента.

Еще одним преподавателем, придерживавшимся левых взглядов, был Василий Гаврилович Яроцкий (1855–1917). Он окончил Санкт-Петербургский университет в 1880 г., в 1888-м защитил магистерскую диссертацию на тему «Экономическая ответственность предпринимателей, а в 1896-м – докторскую на тему «Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей». Начало академической карьеры Яроцкого отмечено конфликтом с Георгиевским: в 1887–1888 гг. Яроцкий выступил в печати и на докторском диспуте с критикой книги Георгиевского «Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и в западноевропейских государствах», Георгиевский же в свою очередь опубликовал критические замечания на книгу Яроцкого «Экономическая ответственность предпринимателей». В результате этого конфликта, одной из причин которого могла быть конкуренция за профессорство по кафедре политической экономии и статистики (см.: [Дмитриев, 2009, с. 484]), Яроцкому пришлось защищать магистерскую и докторскую диссертации в Московском университете. Несмотря на это, в 1888 г. он был допущен к чтению лекций в звании приват-доцента в Санкт-Петербургский университет.

В изданном в 1916 г. учебнике политической экономии Яроцкий показывает себя как марксист народнического направления, приверженец трудовой теории ценности. Ученый подчеркивает неизменность своих теоретических взглядов: «Мне не понадобилось, – подобно некоторым из моих коллег, сколько-нибудь существенно изменять свои взгляды по основным вопросам науки или приспособляться к колебаниям в ней временных модных течений» [Яроцкий, 1916, с. III]. Под «временными модными течениями» Яроцкий подразумевает прежде всего австрийскую школу и критикует за подобное «модничанье» Туган-Барановского: «… в настоящее время работа экономистов в таком направлении должна быть признана если не совершенно бесплодной, то весьма мало полезной, если не считать самоуслаждения и взаимного обожания представителей подобного педантического теоретизирования» [Яроцкий, 1916, с. 37].

Яроцкий Василий Гаврилович (1855–1917)
Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/person/334-yarotskiy-vasiliy-gavrilovich.html

Наконец, в 1902 г. приват доцентом кафедры становится доцент Владимир Владимирович Святловский (1869–1927). В юности он участвовал в рабочем движении, в 1889–1892 гг. был членом «группы Бруснева» – одной из первых социал-демократических организаций в России, связанной с швейцарской группой «Освобождение труда» Г. В. Плеханова. В изданном в 1910 г. популярном «Конспекте лекций по политической экономии» Святловский стремится представить все существующие теоретические подходы. В частности, он описывает следующие теории ценности: теорию спроса и предложения, теорию издержек производства, трудовую или объективную теорию, а также субъективную, или австрийскую, теорию. При этом предпочтения автора очевидны. О Марксе Святловский пишет, что тот «дает строго логическое, часто возвышающееся до высокой абстрактной цепи неизбежно вытекающих одна из другой математических формул, учение» [Святловский, 1910, с. 146]. Австрийская же школа характеризуется им следующим образом: «В последнее время против субъективной теории ценности выдвинуто очень много как общих принципиальных, так и частныхкритических замечаний, в общей совокупности указавших шаткость методологической и философской основы австрийской теории ценности» [Святловский, 1910, с. 165].

Святловский Владимир Владимирович (1869–1927)
Источник https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html

Политическая экономия между двух революций (1905–1917). Начало XX в. стало противоречивым периодом в преподавании политической экономии. С одной стороны, происходит дальнейшая академизация и профессионализация. Растет число экономических курсов, читаемых яркими преподавателями, а в 1907 г. на юридическом факультете выделяется отделение экономических и государственных наук. С другой стороны, нормальная жизнь университета постоянно сотрясается революционными волнениями и политической реакцией.

Кулишер Иосиф Михайлович (1878–1933)
Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/145-kulisher-iosif-mikhaylovich.html

Несомненно, наиболее значительным эпизодом истории кафедры политической экономии в этот период стала преподавательская деятельность Михаила Ивановича Туган-Барановского (1865–1919) (подробнее см. статью Л. Д. Широкорада в наст. изд.). Напомним, что 1890-х гг. он уже был приват-доцентом кафедры политической экономии и статистики: в 1895/96 учебном году объявил специальный курс «Исторический обзор развития новейшей экономической науки», а в 1898/99 учебном году – параллельный курс по политической экономии. В 1901 г. за участие в студенческой демонстрации Туган-Барановского арестовывают, а затем подвергают административной высылке из Санкт-Петербурга. Революция 1905 г. позволила Туган-Барановскому вернуться к преподаванию политической экономии. Возобновив преподавание в университете, Туган-Барановский подготовил свой знаменитый учебник «Основы политической экономии» (1909 г.), который при жизни автора выдержит пять изданий, а также будет переиздан в постсоветский период в 1998 г. Туган-Барановский быстро приобретает популярность в студенческой среде и становится главным конкурентом Георгиевского в чтении основного курса политической экономии.

Преподавание экономических наук расширилось, вышло далеко за пределы традиционных обязательных курсов политической экономии, статистики, а также имевших экономическое содержание курсов финансового и полицейского права. И. М. Кулишер (1878–1933) стал преподавать «Историю экономического быта Западной Европы», М. А. Сиринов (1878–1929) – «Предмет и метод политической экономии по учению главнейших представителей политико-экономических школ», В. П. Туторский (1872–1911) и П. И. Лященко (1875–1955) – «Экономию сельского хозяйства» и «Сельскохозяйственную политику», В. А. Гаген (1874–1930) – «Обязательное призрение бедных в Западной Европе», Яроцкий – «Социальную политику в области рабочего вопроса», Святловский – «Русское рабочее законодательство», профессор Кауфман – «Политику денежного обращения» и «Демографическую статистику». Также началось преподавание отдельных курсов по экономической и местной статистике, которые читали В. В. Степанов (1868–1950) и Г. Г. Швиттау (1875–1950). В 1910-х гг. практиче-

ские занятия по политической экономии и статистике начали вести такие известные впоследствии ученые, как М. В. Птуха (1884–1961) и С. И. Солнцев (1872–1936). Различные курсы по финансам стали читать М. И. Боголепов (1886–1945), А. И. Буковецкий (1881–1972), М. А. Курчинский (1876–1939), Ф. А. Меньков (1881–1925), В. Н. Твердохлебов (1876–1954) и др.

Лященко Петр Иванович (1875–1955)
Источник: https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/759-lyashchenko-petr-ivanovich.html

В этот же период действия студенчества, которые иногда использовались профессурой в ее противостоянии с имперской бюрократией, превращают университет в один из центров революции. Оппозиционные настроения были традиционно свойственны российскому студенчеству, но с 1899 г., когда в Санкт-Петербургском университете начинается всероссийская студенческая забастовка, выступления студентов приобретают характер массового политического движения, регулярно проходят разного рода сходки и стачки, лекции непопулярных профессоров подвергаются обструкции по политическим причинам. Это позволило В. И. Вернадскому утверждать, что «с 1898 г. и до 1906 г. правильного преподавания в высшей школе не было; школа находилась в состоянии анархии, с которой энергично боролась русская профессура, так как начальство не имело никакого нравственного авторитета» [Вернадский, 1912, с. 4]. В феврале 1905 г., с началом революции, занятия в университете снова прерываются из-за студенческой стачки. В полном объеме учебный процесс восстановится только осенью 1906 г. Активно воздействовать на университетскую жизнь студенческие организации продолжали и после возобновления занятий в 1906 г.: «В течение всего 1906 г. вся внутренняя жизнь университета фактически определялась решениями самих студентов и деятельностью совета старост. Совет профессоров не мог ни повлиять на ход событий, ни изменить их» [Павлицкая, 1948, с. 153].

После «Третьеиюньского переворота» 1907 г. в России началось время политической реакции. В сфере высшего образования реакцию обычно связывают с деятельностью Л. А. Кассо, министра народного просвещения в 1910–1914 гг. В Московском университете наступление Кассо на университетскую автономию привело к отставке значительной части преподавателей. В столичном университете события развивались по-другому – как показано Е. А. Ростовцевым, «профессорский Совет, сплотившийся вокруг ректора, выбрал иную тактику – пассивного сопротивления давлению министерства» [Ростовцев, 2017, с. 624]. В ответ на это министерство пытается преодолеть оппозиционность профессорского Совета путем беспрецедентной практики назначения и «перевода в Санкт-Петербургский университет консервативных профессоров из провинциальных высших учебных заведений и перевода петербургских либералов в провинцию» [Ростовцев, 2017, с. 638]. Важно отметить, что эта политика прежде всего была направлена против юридического факультета, то есть представителей социальных наук. В конечном итоге на юридический факультет было назначено 11 профессоров.

Остановимся подробнее на одном из таких эпизодов, который был связан с тем, что П. И. Георгиевский, в соответствии с установленным порядком, отслужив 30 лет, должен был оставить к 1 января 1913 г. штатную университетскую должность. Встал вопрос о занятии профессорской кафедры и наиболее очевидным кандидатом на нее, как по возрасту, так и по научным заслугам, был М. И. Туган-Барановский. Именно он и был избран – сначала собранием юридического факультета 30 апреля 1912 г. (13 голосов «за», 1 «против»), а затем на заседании Совета университета 21 мая 1912 г. (29 голосов «за», 4 «против») [Протоколы заседаний…, 1914, с. 77–80].

Очевидно, что единственный голос «против» на собрании юридического факультета принадлежал профессору Георгиевскому. В своем отзыве, представленном юридическому факультету о М. И. Туган-Барановском как кандидате в профессоры по кафедре политической экономии, он обвиняет его в чрезвычайном увлечении идеями социализма и коммунизма и восхвалении их. Георгиевский указывает, что даже в «просвещенной Германии» не допускается занятие университетских кафедр социал-демократами, и предупреждает против опасности «замены кафедры НАУКИ политической экономии кафедрой ПРОПОВЕДИ социализма». Заканчивает свой отзыв Георгиевский мрачным пророчеством: «Отравление учащейся молодежи социалистическими фантазиями, подносимыми им под видом положительной науки с университетской кафедры, может иметь для этой молодежи, а в лице нескольких поколений ее – для целого государства, самые печальные последствия, предупредить которые, по мере сил, я считаю своим нравственным долгом» [Георгиевский, 2008, с. 100].

Обвинения Георгиевского не произвели и не могли произвести впечатления на собрание факультета и Совет университета. Многие русские интеллигенты того времени, в том числе коллеги Георгиевского и Туган-Барановского по университету, симпатизировали социалистическим идеям, занимая, возможно, более левые позиции, чем последний. Действительно, Туган-Барановский был известен своими работами о социализме (и Георгиевский тенденциозно подбирает цитаты из этих работ), но социализм рассматривался им в качестве этического идеала будущего общества свободных людей. В области же практической политики Туган-Барановский скорее был сторонником буржуазной кадетской партии.

Необходимо также отметить и возможное существование личных мотивов неприязни Георгиевского к Туган-Барановскому. В своем отзыве он не только характеризует научные и политические взгляды кандидата, но и позволяет себе намекнуть, что тот пользуется прибылью с капитала и поземельной рентой, а значит в своей жизни не следует социалистическим идеям. Об отношениях Георгиевского и Туган-Барановского свидетельствует также опубликованная переписка сотрудников университета с В. И. Борткевичем (1868–1931), в то время экстраординарным профессором Берлинского университета. Так, А. А. Кауфман говоря о ненависти Георгиевского к Туган-Барановскому, пишет: «…в данном случае работа была настолько шита

белыми нитками, что, конечно, никакой поддержки Г[еоргиевский] не мог встретить» [Кауфман, 2009, с. 101]. Из письма М. В. Птухи мы узнаем, что к 1912 г. И. И. Кауфман, второй профессор кафедры политической экономии и статистики, отстаивал кандидатуру Туган-Барановского уже пять лет. Вот что сообщает М. В. Птуха В. И. Борткевичу: «П. И. Георгиевский, не желая замещения кафедры М. И. Туган-Барановским, предложил профессору Мануйлову выставить свою кандидатуру, но Мануйлов быть кандидатом П. И. Георгиевского категорически отказался. Ввиду этого, как рассказывают, он выставил Вашу кандидатуру, не заручившись предварительно Вашим согласием» [Птуха, 2010, с. 116]. Борткевич также не воспользовался этим предложением.

Таким образом, Георгиевский, интригуя против Туган-Барановского, стремится еще и к тому, чтобы кафедра политической экономии в Санкт-Петербургском университете была занята видным ученым. Интересно отметить, что эволюция теоретических взглядов предложенных им исследователей во многом развивалось в том направлении, которое было задано Туган-Барановским. А. Н. Мануйлов (1861–1929), активный политик, входивший в состав центрального комитета кадетской партии, с 1905 по 1911 г. был избранным ректором Московского университета и подал в отставку в связи с «делом Кассо». Кафедру политической экономии Московского университета Мануйлов занимал в 1903–1911 гг. В своей научной деятельности он перешел от марксистской трудовой теории стоимости к увлечению австрийской школой. Гораздо более крупным теоретиком был Борткевич, который с 1901 г. работал в Берлинском университете, но не мог получить там постоянную должность, так как был российским подданным. Борткевич получил известность как специалист в области математической статистики и теории вероятностей, а его наиболее важным достижением является применение аппарата теории издержек производства к анализу совместимости марксистских теорий стоимости и цены.

После избрания Туган-Барановский должен был быть утвержден в профессорской должности Министерством народного просвещения. Этого не произошло, и 15 сентября 1912 г. на заседании Совета университета ректор Э. Д. Гримм сообщил следующее: «Предложением от 13 июня за № 19998 г[осподин] министр уведомил ректора о том, что, рассмотрев выборное производство по замещению вакантных на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета кафедр, он не признал возможным утвердить постановление Совета Санкт-Петербургского университета об избрании на упомянутые кафедры представленных юридическим факультетом кандидатов». М. А. Таубе, товарищ министра народного просвещения, бывший профессор университета, объяснил, что подобные действия министерства объясняются, в частности, по словам Гримма, «постоянной оппозицией будто бы проявляемой Советом Санкт-Петербургского университета по отношению к мероприятиям Министерства народного просвещения» [Протоколы заседаний…, 1914, с. 119–120].

Однако министерство в данный период интересовалось достоинствами кандидата как ученого в последнюю очередь. В условиях противостояния с профессорским Советом университета необходима была прежде всего лояльная кандидатура. Такая кандидатура была найдена в Одессе, и на кафедру политической экономии в Санкт-Петербургский университет был переведен профессор полицейского права Новороссийского университета И. И. Чистяков. Кроме того, очередным шагом министерства Кассо в наступлении на академические свободы стал запрет преподавания приват-доцентами общих курсов, параллельных профессорским. Туган-Барановскому оставалось только проведение практических занятий, это не могло его устроить, он покидает университет и переходит в Политехнический институт Петра Великого.

Иван Иванович Чистяков (1873 —?) окончил юридический факультет Московского университета в 1898 г., в 1901–1910 гг. – приват-доцент Московского университета, а в 1910–1912 гг. – экстраординарный профессор Новороссийского университета. В 1910-м в Новороссийском университете он защитил диссертацию на степень магистра полицейского права «Образование народа во Франции в эпоху Третьей республики», а в 1912 г. в разгромлен-

ном Московском университете защитил докторскую диссертацию «Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения». Докторская диссертация Чистякова имеет реферативный характер и представляет собой обзор различных проектов и предложений по страхованию рабочих. Примечательно, что и сам автор в предисловии расписывается в своей теоретической несостоятельности: «В первоначальные намерения автора входило теоретическое рассмотрение вопроса о страховании рабочих в России… Но эту мысль, почти в самом начале занятий, ему пришлось оставить, как преждевременную, за полным отсутствием сводных работ исторического характера по предмету исследования. …Остановившись таким образом пока на истории подлежащего изучению вопроса, автор встретил и на этом пути ряд препятствий внешнего характера, относившихся к установлению объема и нахождению соответствующего материала» [Чистяков, 1912, с. IX]. Скорость (два года после защиты магистерской диссертации), с которой докторская диссертация была подготовлена и защищена, наталкивает на мысль, что Чистяков пользовался определенной административной поддержкой, ввиду предполагавшегося его назначения.

В качестве политэконома Чистяков проявить себя не успел, но в то же время необходимо признать, что он мог обновить преподавание курса политической экономии. Так, например, он впервые в Санкт-Петербургском университете вносит в список рекомендуемых пособий «Принципы экономической науки» А. Маршалла. Однако профессором Санкт-Петербургского университета Чистяков пробыл всего четыре года. Сразу после Февральской революции 1917 г. все назначенные министерством профессора были отстранены от должности. Чистяков отправляется в Томск, где 1 марта 1918 г. его избирают профессором кафедры политической экономии и статистики местного университета. В период Гражданской войны следы Чистякова теряются.

Заключение. После Февральской революции на краткий срок либеральной профессуре показалось, что наступило время реализации всех ее желаний. Многие получили заслуженную награду. Например, В. Г. Яроцкий был удостоен звания сенатора. М. И. Туган-Барановский вновь был избран профессором университета, но вернуться к преподаванию ему было не суждено, он встал на путь сотрудничества с украинскими сепаратистами и скончался 8 января 1919 г. в поезде под Одессой, направляясь в Париж в составе украинской делегации. Октябрь развеял иллюзии, а советская власть продемонстрировала, что в России университетская автономия имеет смысл только тогда, когда она охраняется и поддерживается государством.

Список литературы

Белозеров С. А. Иван Яковлевич Горлов // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 185–193.

Будович Ю. И. Курс политической экономии в России на рубеже XIX–XX вв. и современность. М., 2004.

Бутовский Александр // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 т. Т. V. СПб., 1891. С. 84–85.

Вернадский В. И. 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб., 1912.

Георгиевский П. И. О реформе университетов в России (1909) // Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. О реформе университетов в России. М.: ЛЕНАНД, 2016

Георгиевский П. И. Политическая экономия: в 2 т. Изд. 4-е. Т. 2. СПб., 1904.

Георгиевский П. И. В юридический факультет Санкт-Петербургского университета / публ. А. Л. Дмитриева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2008. Вып. 1. С. 97–100.

Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.

Дмитриев А. Л. Василий Гаврилович Яроцкий // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 479–489.

Дмитриев А. Л., Чебаненко Е. Н. Павел Иванович Георгиевский // Финансовая наука в Санкт-Петербурге: исторические очерки. М., 2012. С. 105–126.

Жарова Е. Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290.

Жуковская Т. Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // Клио. 2013. № 10. С. 15–26.

Кауфман А. А. Письма А. А. Кауфмана к В. И. Борткевичу / публ. А. Л. Дмитриева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 4. С. 94–113.

Костина Т. В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегиальная» реформа С. С. Уварова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 212–238.

Майков П. Порошин Виктор Степанович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 577–580.

Милютин В. А. Избранные произведения. М.: ОГИЗ, 1946.

Никитенко А. О политической экономии вообще и в особенности о производимости как главном предмете оной // Северный архив. 1827. № 23. С 227–251; № 24, С. 297–316.

Павлищкая Н. И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1948. № 11. С. 138–156.

Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 год. № 68. СПб., 1914.

Птуха М. В. Письма М. В. Птухи к В. И. Борткевичу / публ. А. Л. Дмитриева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2010. Вып. 4. С. 113–128.

Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообществ Германии, 1890–1933. М., 2008.

Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017.

Святловский В. В. Конспект лекций по политической экономии. СПб., 1910.

Соколов Б. И. Эдмунд Романович Вреден // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 163–183.

Список профессоров и приват-доцентов, получивших в 1895 и 1896 годах (считая с 1 января) гонорар за чтение лекций и ведение практических занятий. СПб., 1896.

Чистяков И. И. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912.

Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3 т. Т. 1. СПб., 2001.

Яроцкий В. Г. Курс лекций политической экономии. Вып. 1. Пг., 1916.

В. Т. Рязанов
Кафедра экономической теории: страницы новой истории

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Рязанов В. Т.* Кафедра экономической теории: страницы новой истории // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 53–66.

В статье раскрываются особенности научно-образовательной деятельности кафедры политической экономии (экономической теории) в период с 1960-х гг. по настоящее время. Анализируются изменения, которые произошли в преподавании экономической теории и научной сфере после 1991 г. Выделяются наиболее значимые результаты в научно-образовательной деятельности, которые были достигнуты в этот период.

Ключевые слова: кафедра политической экономии, экономический факультет, история преподавания, научная деятельность, результаты.

Наши предшественники. После преобразования в 1949 г. политико-экономического факультета в экономический и его превращения в многопрофильное университетское подразделение с возникающими новыми направлениями научной и образовательной деятельности значение подготовки экономистов-теоретиков не уменьшилось. Будучи старейшим направлением экономического образования в университете, оно оставалось ведущим на факультете. Соответственно кафедра политической экономии сохранила центральное место в жизни факультета. Тот факт, что подавляющее большинство деканов факультета были ее представителями, говорит о многом. Кафедра играла важную роль в подготовке будущих экономистов-теоретиков: ее выпускники, завершив подготовку по основной образовательной программе, а затем в аспирантуре, продолжали свою деятельность в качестве преподавателей во многих отечественных и зарубежных высших учебных заведениях. Можно считать, что в те годы главной миссией кафедры было формирование преподавательских кадров в области политической экономии для всей страны. Не случайно, немалое число ее выпускников со временем добились значительных успехов в академической и общественной сферах деятельности.

Немаловажно и то, что кафедра активно участвовала в развитии факультета в разных направлениях, способствуя укреплению его авторитета в Санкт-Петербургском университете и университетском сообществе страны. С опорой на ее научный и кадровый потенциал на факультете возникали новые кафедры и развивались перспективные направления научных исследований. Так, из состава кафедры политической экономии в 1957 г. выделилась кафедра экономики современного капитализма, которую ее возглавил С. И. Тюльпанов. В 1985 г. была создана кафедра экономической истории и критики антимарксистских экономических теорий (заведующий – профессор Г. Г. Богомазов). При поддержке и участии кафедры политической экономии образовывались новые специальности в подготовке экономистов, такие как «экономическая кибернетика», «экономика исследований и разработок», «международные экономические отношения», «финансы и кредит». Во многих случаях открытие новых направлений в подготовке экономистов было новаторским в советском университетском образовании и служило примером для других университетов.

В организационном отношении кафедра политической экономии не оставалась неизменной. В течение длительного периода времени она представляла собой единое целое, обеспечи-

вая преподавание политической экономии как на экономическом, так и на всех других факультетах университета. Для нее 1960-е гг. стали временем восстановления и успешного развития после трагических для кафедры и факультета событий конца 1940-х, которые привели к потере ведущих профессоров, пострадавших из-за необоснованных репрессий. Из семи профессоров, шестеро были арестованы и репрессированы. Первые деканы факультета А. А. Вознесенский и В. В. Рейхард погибли, Л. В. Некраш умер в тюрьме. А. И. Буковецкий, В. М. Штейн и Я. С. Розенфельд были осуждены, прошли лагеря, а в 1955 г. были реабилитированы. Произошедший погром привел к тому, что на факультете осталось всего семь доцентов и ни одного профессора [Пешехонов, 1998, с. 90].

В 1961 г. заведующим кафедрой политической экономии стал профессор Н. Д. Колесов (1925–2012), который в течение 35 лет оставался на этом посту. Во многом благодаря его деятельности и человеческим качествам сложился работоспособный и дружный коллектив преподавателей, который характеризовался непрерывным ростом профессионального уровня сотрудников и успешно справлялся с задачами по подготовке специалистов. Отличительной чертой кафедры в эти годы было то, что в ее состав входило много ветеранов Великой Отечественной войны из числа бывших выпускников факультета. В разные годы на кафедре работали: М. А. Алексеев, Е. А. Виноградов, Н. Д. Колесов, Н. А. Медведев, Н. А. Моисеенко, М. Д. Плинер, В. М. Рауд, Б. Р. Рященко, Ю. В. Семенов, Л. П. Федорова. Их жизненный опыт и дух воинов-победителей сплачивал коллектив, служа бесценным примером для молодых преподавателей.

Кафедра политической экономии в 1960–1970-х гг. быстро росла и количественно, и качественно. Был период, когда по штату работало более 50 преподавателей, в том числе 8 профессоров, и более 100 аспирантов. Это была самая крупная кафедра политэкономии в СССР [Колесов, 2010, с. 21]. Случалось, что не всем удавалось попасть на заседание кафедры из-за недостатка мест в аудитории, особенно когда проходили какие-то интересные обсуждения или защиты диссертаций.

Понятно, что при таком большом составе кафедры научные интересы ее преподавателей отличались многообразием, поэтому для их реализации на кафедре функционировало несколько проблемных групп, на которых велась научная работа, обсуждались рукописи монографий и статей, а также диссертации аспирантов и соискателей. Наиболее значимую роль играла проблемная группа по изучению отношений социалистической собственности, что неудивительно, поскольку их исследование было главной областью научных интересов заведующего кафедрой Н. Д. Колесова. Другие научные проблемные группы были созданы для изучения планомерности (руководитель – профессор В. А. Пешехонов), трудовых отношений и рабочей силы (руководители – профессора М. Д. Плинер и В. М. Рауд), распределительных отношений и хозрачета (руководитель – профессор В. И. Котелкин, доцент О. А. Елисеева), товарно-денежных отношений (руководители – профессора Т. Д. Алимова и Е. А. Целыковская).

Колесов Николай Дмитриевич (1925–2012)
Из архива семьи Н. Д. Колесова

Особо отметим, что научная жизнь на кафедре и факультете в 1960– 1980-х гг. отличалась высокой интенсивностью и коллективным взаимодействием, активным участием преподавателей совместно с аспирантами как в научных исследованиях, так и в хоздоговорной тематике. Кафедра политической экономии была инициатором и организатором крупных всесоюзных научных конференций, посвященных актуальным и остро дискуссионным проблемам: месту и роли предприятий в народном хозяйстве, особенностям рабочей силы при социализме. Активно работали теоретический и философский семинары. Все это сплачивало коллектив и помогало ему развиваться.

В 1975 г. кафедра политической экономии была реорганизована, и возникли две кафедры политической экономии – для гуманитарных факультетов (заведующий – профессор Н. Д. Колесов) и естественных факультетов (заведующий – профессор В. А. Пешехонов). В 1979 г. реорганизация была продолжена: образовались три кафедры политической экономии – экономического факультета (заведующий – профессор В. А. Пешехонов), для гуманитарных факультетов (заведующий – профессор Н. Д. Колесов) и для естественных факультетов (заведующий – профессор В. И. Котелкин). Еще одним этапом в организационном и содержательном оформлении экономико-теоретического сектора экономического факультета ЛГУ стало создание в 1985 г. кафедры экономической истории и критики антимарксистских экономических теорий (заведующий – профессор Г. Г. Богомазов).

Чтобы завершить краткий обзор организационных преобразований, выделим главные изменения, которые произошли после распада страны. Прежде всего они были связаны с утратой научной монополии политической экономии в ее марксистском варианте как в образовательной, так и в научной сфере. Понято, что никакая монополия, в какой бы области она

не возникала, к благоприятным результатам не приводит. Административно поддерживаемая монополия вполне закономерно формировала негативное отношение к самой политической экономии как у студентов, так и у преподавателей. Во многом такая ситуация сложилась из-за догматизма и начетничества, которые были присущи советской версии марксизма и характеризовалось отрывом от реальной хозяйственной жизни, изолированностью от мировой экономической мысли. В результате пострадала сама репутация политической экономии как исторически сложившегося научного направления в сфере экономического знания, которое возникло задолго до марксизма. Все это вылилось в отрицание научного статуса политической экономии с отнесением ее к сфере идеологии и с отказом в правомочности использования даже самого́ термина, обозначающего название специальности, кафедр, учебных дисциплин и т. п. Это довольно странно, поскольку политическая экономия – первое имя самой экономической науки, а затем ее теоретической части. Такой негативный фон сопровождал процесс назревшего перестроения преподавания экономической теории. Его необходимость на начальном этапе выразилась в желании уйти от самого названия политической экономии, и с конца 1991 г. начался поиск новых версий названия кафедр. Так кафедры политической экономии отказались от своего исторического имени. Надолго ли?

В конечном счете в 1996 г. вместо трех кафедр политической экономии появились кафедры экономической теории (заведующий в 1979–1995 гг. – профессор В. А. Пешехонов, с 1995 г. и по настоящее время профессор В. Т. Рязанов), экономической теории и экономической политики (заведующий – в 1996–2011 гг. – профессор Ф. Ф. Рыбаков, с 2012 г. и по настоящее время – профессор А. Н. Лякин), экономической теории и социальной политики (заведующий в 1979–1992 гг. – профессор В. И. Котелкин; в 1992–2007 гг. – профессор В. С. Пригарин; с 2007 г. и по настоящее время – доцент О. А. Канаева). Кафедра экономической истории и антимарксистских учений стала кафедрой истории экономики и экономической мысли (заведующий в 1985–2013 гг. – профессор Г. Г. Богомазов, с 2013 г. – профессор А. Н. Дубянский).

В двухвековой истории кафедры политической экономии были взлеты и падения, и, к сожалению, трагические страницы. Эта история неоднозначна так же, как непроста история нашей страны.

Чтобы полнее представить организационную историю, приведем список всех заведующих кафедрой политической экономии (экономической теории) с момента создания самостоятельного политико-экономического, а затем экономического факультета нашего университета:

– профессор А. А. Вознесенский (1939–1948);
– доцент И. Ф. Рыбаков (1950–1951);
– доцент И. Д. Тихомиров (1952–1961);
– профессор Н. Д. Колесов (1961–1995);
– профессор В. А. Пешехонов (1975–1995);
– профессор В. И. Котелкин (1979–1992);
– профессор В. С. Пригарин (1992–2007);
– профессор Ф. Ф. Рыбаков (1996–2011);
– профессор Ю. И. Новиков (2011–2012);
– профессор В. Т. Рязанов (с 1995 г. по настоящее время);
– доцент О. А. Канаева (с 2007 г. по настоящее время);
– профессор А. Н. Лякин (с 2012 г. по настоящее время).

Пешехонов Владимир Андреевич (1928–2004)
Источник: http://www.econ.spbu.ru/ru/people/vladimir-andreevich-peshehonov

Чем сегодня живет кафедра? Что касается современной истории кафедры экономической теории, то прежде всего в ее становлении, которое происходило после всех реорганизаций, следует выделить особую роль профессора В. А. Пешехонова (1928–2004). Как человек творческий, он пользовался большим авторитетом и уважением не только на кафедре, но на факультете и в университете. Процесс формирования коллектива кафедры происходил под его непосредственным влиянием, им же были заложены основные традиции кафедры. Нельзя не отметить и ключевую роль в организации учебного процесса доцента М. А. Серебровской, которая более 35 лет самоотверженно и ответственно выполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой по учебной работе.

Все эти годы кафедра готовила экономистов широкого профиля, которые успешно работали и работают преподавателями в университетах и вузах, научными сотрудниками в академических институтах, хорошо адаптируются в государственных органах управления и современных рыночных структурах. Сегодня среди выпускников – десятки докторов наук, заведующих экономическими кафедрами не только в Российской Федерации, но и во многих странах мира. Мы подготовили сотни специалистов для стран Восточной Европы, Африки, Китая, Вьетнама, Кубы и других государств. Среди наших выпускников – академики, например действительный член РАН В. А. Мартынов, бывший в 1989–2000 гг. директором ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН В. А. Медведев, и министры в правительстве страны, например В. Г. Захаров, А. Л. Кудрин, М. Ю. Соколов, а также депутаты Госдумы, директора крупнейших предприятий, руководители банков и других коммерческих структур.

С 2010 г. экономический факультет прекратил прием на специалитет и перешел на обучение экономистов по программам бакалавриата и магистратуры. Кафедра экономической теории продолжила подготовку экономистов на одном из профилей бакалавриата, а также по магистерской программе «Институциональная экономика» (с 2018 г. – «Институциональный анализ современных рынков). Ее научным руководителем является профессор В. Т. Рязанов. Выбор теории институционализма в качестве программы по магистратуре определялся ее значением в современной системе экономико-теоретического знания. Будучи одним из перспек-

тивных направлений современной экономической мысли, институционализм имеет к тому же большое практическое значение в обеспечении эффективного функционирования системы хозяйствования.

Такой выбор был подкреплен накопленным опытом преподавания в рамках специализации «Экономика и право», которая была организована на кафедре в 1995 г. и реализовывалась все эти годы. Подготовка экономистов по магистерской программе «Институциональная экономика», предусматривающая углубленное знание права, отвечает потребности формирующейся новой экономики в России, будучи нацелена на успешную практическую деятельность и научную работу выпускников.

Для обеспечения учебного процесса по данной программе сотрудниками кафедры выпущены два профильных учебника:

1) Институциональный анализ и экономика России: учебник / под ред. В. Т. Рязанова (М.: Экономика, 2012, переиздан в 2013 г.). Авторский коллектив: Ю. В. Крылова, Д. Е. Расков, И. М. Рисованный, В. Т. Рязанов, И. К. Смирнов, А. А. Шевелев;

2) Институты и экономическое развитие: отечественный и зарубежный опыт: учебник / под ред. М. А. Румянцева, Г. В. Борисова (М.: РГ-Пресс, 2013). В числе авторов – сотрудники кафедры: М. Ф. Колесникова, М. В. Марков, А. М. Мусаева, Д. Е. Расков, Н. В. Пахомова, М. А. Румянцев.

Своеобразие этих изданий заключается в том, что в них наряду с общей характеристикой теории и практики институционализма особое внимание обращается на анализ институциональных проблем в истории экономического развития нашей страны и на ее современном этапе. Соответственно и в обучении магистрантов особый акцент делается на институциональном анализе специфики экономики России. Еще одной особенностью обучения по данной программе является приглашение авторитетных отечественных и зарубежных специалистов к чтению учебных курсов. Так, профессор университета Ричмонда (США) Дж. Хасс одновременно является штатным профессором нашей кафедры, читая свой курс по теории институционализма магистрантам.

Кафедра экономической теории также принимает активное участие в реализации магистерской программы «Бизнес России и стран Содружества в глобальной экономике». Ее значение определяется приоритетной задачей для нашей страны в углублении интеграционного сотрудничества на постсоветском пространстве в условиях глобализации мировой экономики. Программа реализуется при активном участии Межпарламентской ассамблеей государств СНГ (МПА СНГ). Ее научным руководителем является выпускник кафедры профессор М. И. Кротов. Он в течение длительного периода был генеральным секретарем Совета МПА СНГ, а в настоящее время возглавляет аппарат комитета Государственной думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками.

Одновременно кафедра преподает курсы по экономической теории на других профилях бакалавриата и в магистерских программах, реализуемых не только экономическим, но другими факультетами университета. Учебная деятельность кафедры ориентирована на классическую университетскую подготовку по широкому кругу гуманитарных и математических, общепрофессиональных и специальных дисциплин. Особое внимание уделяется углубленному изучению общей экономической теории (политической экономии, микро- и макроэкономики), теории институциональной экономики, хозяйственному строю России, истории и современным экономическим реформам, а также отдельным разделам и направлениям теоретической экономики (экономики отраслевых рынков, экономики общественного сектора и т. д.).

Отличительной чертой педагогической деятельности на кафедре является подготовка ее сотрудниками авторских учебных курсов, в которых находит отражение как обязательный стандарт, так и дополнительный и оригинальный материал, что позволяет обеспечить качественную подготовку наших выпускников. Как правило, авторские курсы со временем превра-

щаются в учебники и учебные пособия. В последние годы преподавателями кафедры был подготовлен ряд авторских учебников по основным теоретическим дисциплинам. Среди них:

1) Экономика отраслевых рынков и политика государства: учебник. М.: Экономика, 2009. Авторский коллектив: Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер, Т. А. Лукичева, М. А. Румянцев, А. Н. Дубянский, Н. Н. Ворожейкина, А. А. Казьмин;

2) Румянцева С. Ю. Основы методологии инновационной экономики и динамики. СПб.: НПК «Рост», 2015;

3) Рынок труда: учебник и практикум / под ред. Е. Б. Яковлевой. М.: Юрайт, 2017. Авторский коллектив: В. А. Базжина, О. В. Вередюк, О. А. Дроздов; Е. Б. Яковлева;

4) Ушанков В. А. Введение в экономическую науку (экономическая пропедевтика). СПб.: НПК «РОСТ», 2009;

5) Микроэкономика: учебник и практикум / под общ. ред. Е. Б. Яковлевой. 8-е изд. М.: Юрайт, 2016. Авторский коллектив: А. С. Воробьев, О. А. Дроздов, А. М. Мусаева, А. Ю. Протасов, Е. Б. Яковлева.

Преподаватели кафедры участвовали также в подготовке еще ряда учебников. Так, доцент Т. А. Лукичева участвовала в написании учебников «Международный маркетинг» (М.: Юрайт, 2016) и «Маркетинг» (М.: Юрайт, 2016), доцент В. М. Остапенко – в подготовке учебника по маркетингу.

С начала 1990-х гг. устанавливаются долгосрочные учебные и научные контакты с ведущими центрами в Европе, США и Китае по экономической теории, экономике реформирования, переходной и институциональной экономике, экономике природопользования, теории отраслевых рынков, истории экономической мысли, методике преподавания экономических дисциплин и другим темам. Налаживается и развивается сотрудничество с профессорами Европейского университета «Виадрина» (Франкфурт-на-Одере, Германия); Центра Вальраса и Парето (Лозаннский университет, Швейцария); Тронхеймской школы бизнеса (Норвегия); Технического университета г. Ильменау (Германия); Университета г. Тайбей (Тайвань); Шанхайского университета финансов и экономики (Китай); Народного университета Китая (г. Пекин) и др.

Кафедра принимает участие в многочисленных международных проектах. Широко практикуются поездки в зарубежные университеты преподавателей с докладами на конференциях и для чтения лекций. Преподаватели, аспиранты и студенты также имеют возможность стажироваться в ведущих университетах Европы.

Многогранность научной деятельности кафедры экономической теории и полученные результаты в немалой степени стимулировались развитием научных контактов с ведущими центрами экономической науки в России и других странах. Особенно плодотворным оказалось творческое содружество с МГУ им. М. В. Ломоносова и его Центром общественных наук (руководитель – профессор Ю. М. Осипов). В сотрудничестве с ним проводились совместные научные конференции и семинары, готовились и выходили сборники работ.

Основные направления научных исследований. Главным направлением научных исследований кафедры в прошлом выступала разработка экономической теории в рамках политико-экономического анализа. Ее достоинства и недостатки отражали научные возможности марксистской школы, сформировавшейся на базе классической политической экономии. Политэкономическая теория к концу 1980-х гг. обнаружила крупные изъяны и свои научные позиции сдала не случайно. Возникший в ней глубокий концептуальный кризис предшествовал вступлению советской экономики в кризисную фазу развития.

Такой кризис имел множество проявлений, и одна из его главных форм заключалась в том, что политэкономия социализма, как составная часть общей политэкономической теории, так и не смогла дать достоверную и точную оценку сложившегося в СССР общественно-хозяйственного устройства и на этой основе разработать целостную концепцию экономического раз-

вития страны, а потому оказалась неспособной предупредить общество о приближении кризиса и выработать эффективную антикризисную стратегию.

Сложность перехода от одной научной парадигмы к другой была связана еще и с тем, что доминирование неоклассики в современной экономической теории не исключает наличия в ней множества альтернативных научных школ. Многообразие научных взглядов усложняли процесс освоения экономических идей, требовали от каждого преподавателя найти свое место в плюралистичной и конкурентной научной среде.

В современных условиях наиболее сложной задачей научной деятельности кафедры стало не просто пассивное освоение накопленного в мировой науке огромного массива экономического знания, каким бы оно ни представлялось разнообразным и содержательным, но и разработка нового теоретического подхода к анализу экономического развития России и к становлению российской модели рыночного хозяйства. Поэтому экономика России в ее исторической ретроспективе и в условиях современного этапа развития занимает приоритетное место в научных исследованиях кафедры. Ведь экономическая теория будет востребована практикой в том случае, если потребность в ее обновлении непосредственно увязана с поиском адекватных и обоснованных ответов на возникающие вызовы и потребности социально-экономического развития страны. Это и есть по-настоящему творческая реакция, которая рассматривает любую научную школу как инструмент для познания экономической действительности и выработки практических рекомендаций.

Вполне закономерно, что одним из перспективных направлений научно-исследовательской работы кафедры экономической теории стало изучение актуальных проблем развития отечественной экономики, которые в первую очередь связаны с разработкой теории реформирования экономики и становления рыночного хозяйства, способного занять конкурентные позиции в мировой экономике на этапе ее глобализации. Важным событием в разработке данных проблем стало издание в 1998 г. фундаментальной монографической работы В. Т. Рязанова, посвященной анализу хозяйственного устройства и экономического развития России в XIX – XX вв., «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв.» (СПб.: Наука, 1998). В ней представлена концепция формирования хозяйственного устройства и экономического развития России на основе исследования исторических особенностей функционирования российского хозяйства с выявлением присущих ему факторов, условий и ограничителей. Такой подход с опорой на институциональный и макроэкономический анализ позволил раскрыть характер взаимодействия с мировым хозяйством, изучить причины смены рыночных реформ контрреформами, а также по-новому объяснить наиболее важные научные дискуссии дореволюционного периода, посвященные проблеме поиска самобытного российского пути в экономике.

Следует подчеркнуть, что исторический материал служит более глубокому осмыслению современных процессов в экономике России. Ведь настоящее представляет собой сопряжение прошлого, как пространства опыта, с будущим, в котором выражены наши ожидания в виде возможных и альтернативных путей развития. Поэтому не случайно российская тема в исследовании закономерностей и особенностей экономического развития на кафедре подкреплена традиционно большим вниманием к истории российской экономики и экономической мысли. Мы исходим из того, что разработка теоретических вопросов должна опираться на изучение исторического контекста в организации и развитии хозяйственной деятельности. Это позволяет полнее раскрывать природу современной экономической модели, выявлять особенности ее становления и развития. Такое историко-экономическое направление много лет плодотворно развивает профессор Л. Д. Широкорад, хорошо известный своими трудами в нашей стране и за рубежом. Им написаны книги и статьи о многих крупных российских экономистах прошлого, таких как Н. Д. Кондратьев, А. И. Буковецкий, А. А. Вознесенский и, особенно, М.

И. Туган-Барановский, что в немалой степени способствовало возвращению забытых имен в историю отечественной экономической мысли.

Проводимые на кафедре историко-экономические исследования представлены также и в других научных областях. Так, профессором А. Н. Дубянским и доцентом О. А. Дроздовым плодотворно исследуется история денежного обращения в России и денежных реформ, это позволило выявить своеобразие организации денежной системы в дореволюционный период. Несомненный интерес представляет новаторская разработка профессором М. А. Румянцевым темы взаимосвязи хозяйственного устройства с религиозными его особенностями. Наиболее полно она представлена в его монографии «Религиозные основания хозяйствования» (СПб.: НПК «РОСТ», 2005). В ней особое внимание привлекает раскрытие природы православно-русского хозяйственного архетипа и его влияния на современные экономические процессы. Исторический ракурс исследований экономики России не мешает ученому активно заниматься изучением теорией инновационного развития и проблемами перехода к цифровой экономике.

Малоизученные страницы истории предпринимательской деятельности русского старообрядчества с опорой на институциональный анализ и с участием в полевых исследованиях определили круг научных изысканий доцента Д. Е. Раскова. В 2012 г. вышла его монография «Экономические институты старообрядчества» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012), которая получила высокую оценку среди специалистов.

Широким диапазоном отличаются научные интересы профессора Н. В. Пахомовой. Она хорошо известна как авторитетный специалист в области экономики природопользования и экологического менеджмента. По ее инициативе разрабатывалась проблематика теории отраслевых рынков, что нашло отражение в подготовленном группой преподавателей кафедры фундаментального учебника, о котором уже шла речь. Учебник стал серьезным заделом для продолжения научно-педагогической деятельности в данной области. Также следует отметить и вклад Н. В. Пахомовой в исследование формирования современной модели инновационной экономики в России. Опубликована коллективная монография, посвященная данной теме, – «Экономика инновационных изменений и ее организационно-институциональная поддержка» СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013), изданная под ее научной редакцией и при ее участии в качестве автора.

Институциональные проблемы экономического и социального развития России и трансформационных процессов активно исследуются преподавателями кафедры как с точки зрения общей характеристики институциональных изменений и прав собственности (доценты Д. Е. Расков, А. А. Шевелев, А. А. Акинин), так и конкретных аспектов, к примеру контрактных отношений в работах старшего преподавателя А. М. Мусаевой.

Многообразие научных интересов преподавателей кафедры проявляется в том, что наряду с отмеченными общими направлениями исследований и в их рамках разрабатываются важные теоретические проблемы. Так, одной из исследовательских традиций, которую сформировал еще профессор В. А. Пешехонов, является изучение роли государства в экономике. Развивал данную тему профессор В. М. Цветаев (1944–2013), который успешно разрабатывал проблему взаимосвязи экономики и власти в современной рыночной экономике. В настоящее время данную тематику продолжают доценты А. С. Воробьев и М. В. Марков, исследуя экономику общественного сектора.

Не менее актуальной и важной проблемой теории и практики экономического развития выступает исследование циклических процессов, что приобретает особое значение на современном этапе после мирового кризиса 2008–2009 гг. Данное направление тем более важно, что основы теории больших циклов в экономике были заложены в нашем университете ее питомцем Н. Д. Кондратьевым. Успешным продолжением разработки указанной теории стала монография доцента С. Ю. Румянцевой «Длинные волны в экономике: многофакторный ана-

лиз» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003), которая в 2005 г. была отмечена первой университетской премией за научные достижения.

Циклические процессы применительно к инфляции на основательной эмпирической базе и с использованием современных методов анализа изучаются доцентом А. Ю. Протасовым, который подготовил монографию «Циклические закономерности инфляционных процессов: мировой опыт и отечественная практика» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013). Современное состояние экономики России после мирового кризиса 2008–2009 гг., кризиса с акцентом на трансформацию рентно-сырьевой модели экономики и с обоснованием проведения новой индустриализации страны, посвящены публикации В. Т. Рязанова. Содержательные исследования в области современной макроэкономической политики, особенно применительно к кризисным и посткризисным периодам, проводятся доцентом В. М. Остапенко.

Преподаватели кафедры, осваивая новую тематику в сфере экономической теории, не утратили интереса к изучению общих вопросов методологии экономических исследований в научном познании хозяйственных явлений, которая выводит на изучение философских основ экономического знания. Важный методологический задел в предшествующий период был создан профессорами И. К. Смирновым (1931–2013) и В. Н. Афанасьевым (1946–1998), которые в 1980–1990-х гг. разрабатывали проблему использования диалектического метода в экономических исследованиях. Методологические проблемы экономической науки получили продолжение в исследовании доцента В. А. Ушанкова.

Конечно, в новых условиях требуется дополнить и переосмыслить накопленный методологический багаж с учетом современных разработок и достижений. В связи с этим особо следует выделить подготовку и публикацию на английском языке коллективной монографии «Re-Examining the History of the Russian Economy. A new analytic tool from field theory» («Пересмотр истории экономики России: Новый аналитический инструментарий из теории полей») в авторитетном международном издательстве Palgrave Macmillan, посвященной исследованию исторической особенности развития экономики России с применением аппарата теории полей в экономике. Эта книга вышла в 2018 г. под редакцией профессора Дж. Хасса (Jeffrey K. Hass). В ее написании приняли участие преподаватели кафедры в составе: А. А. Бартенев, М. В. Марков, А. М. Мусаева, А. Ю. Протасов, Д. Е. Расков, С. Ю. Румянцева, М. А. Румянцев, В. Т. Рязанов, Дж. Хасс, А. А. Шевелев, Л. Д. Широкорад. Такого рода исследование способствует активному подключению к новейшим теоретическим разработкам, развивающимся в современной экономической науке, а также имеет большое значение для создания благоприятного научного имиджа кафедры.

Важным этапом в исследовании современной российской экономики стало проведение совместно с китайскими экономистами сравнительного анализа проблем перехода наших стран к рыночной системе хозяйствования, которое завершилось подготовкой сборника статей, вышедшего на русском и китайском языках (Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских экономистов / под ред. В. Т. Рязанова, Л. Д. Широкорада, Чень Эньфу, Ли Синя. СПб.; Пекин: Изд-во СПбГУ, 2000). В настоящее время готовится к изданию новый сборник статей совместно с китайскими экономистами о современном этапе социально-экономического развития двух стран. В сотрудничестве с Народным университетом Китая преподаватели кафедры в 2016–2018 гг. принимали участие в подготовке исследовательских докладов по экономике России с их публикацией на китайском языке. Продолжение сотрудничества с экономистами Китая для нас имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку перед нашим странами стоят схожие задачи по трансформации своих хозяйственных систем.

Следует отметить, что политэкономические традиции в исследовательской деятельности получили на кафедре свое продолжение. Ведь классическая политэкономия и ее современные версии не исчезли из арсенала экономической науки. Разработанный классической политэко-

номией метод исследования хозяйственной деятельности и ее достижения полезны для анализа теоретических и практических проблем развития современной экономики. Об этом свидетельствует создание в 2012 г. Международной политэкономической ассоциации стран СНГ и Балтии, в котором принимала участие кафедра, а ее сотрудники активно участвовали в работе Первого политэкономического конгресса, организованного данной ассоциацией. Можно считать, что реактуализация политико-экономических исследований на кафедре становится одним из направлений возвращения интереса к фундаментальным проблемам экономической теории, помогая раскрытию глубинных оснований современного экономического развития. Ее свидетельством стало издание монографии В. Т. Рязанова «(Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России» (М.: Экономика. 2016), а также публикации М. А. Румянцева, А. Ю. Протасова, О. А. Дроздова и В. А. Ушанкова, развивающих политэкономическую традицию в теоретических исследованиях.

Сотрудниками кафедры исследуются не только фундаментальные теоретические проблемы, не остаются без внимания важные научно-практические вопросы. Так, на кафедре сложилась группа преподавателей, которая успешно разрабатывает теоретические и практические вопросы, связанные с исследованием рынка труда, человеческого капитала и социального партнерства (профессор Е. Б. Яковлева, доценты В. А. Базжина, О. В. Вередюк, О. А. Дроздов, О. Г. Просыпкин). Маркетинг и его применение в России исследовался доцентами М. Ф. Колесниковым и М. А. Серебровской, данная тема продолжает плодотворно разрабатываться доцентом Т. А. Лукичевой. Свою лепту в научные исследования кафедры вносит старший преподаватель О. И. Батистова, изучающая офшорный бизнес и его влияние на экономику России.

Приведенный перечень направлений научных исследований на кафедре и достигнутые результаты дают представление об этой сфере ее деятельности, но не охватывают всего того, что сделано. За последние 20 лет сотрудниками кафедры опубликовано сотни статей и более 40 монографий, учебников и учебных пособий. К этому стоит добавить, что в последние годы значительно активизировалась публикационная активность сотрудников кафедры в изданиях, индексируемых в наукометрических базах данных «Scopus» и «Web of Science», включая зарубежные издания. В 2016–2018 гг. было 30 таких публикаций.

Высокая научная репутация преподавателей кафедры находит подтверждение в тех научных наградах, которыми они были удостоены. Так, университетские премии за научные исследования присуждались профессору В. А. Пешехонову (1968 и 1980 гг.), профессору Л. Д. Широкораду (1984 г.), профессору Н. В. Пахомовой (2000 г.), доценту С. Ю. Румянцевой (2005 г.), она же в 2017 г. была награждена бронзовой медалью Международного фонда им. Н. Д. Кондратьева за научные исследования. В 1999 г. профессор В. Т. Рязанов был удостоен первой премии правительства Санкт-Петербурга за научные достижения, утвержденной в связи с 275-летием СПбГУ, а в 2017 г. получил награду Международной политэкономической ассоциации за выдающиеся достижения в области политической экономии в XXI веке за книгу «(Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России».

За свои 200 лет кафедра политической экономии (экономической теории) прошла непростой путь. Разными поколениями ее сотрудников было сделано немало важного для развития науки и образования в стране. Кафедра продолжает жить и развиваться, вступая в свое третье столетие, опираясь на традиции и достижения предшественников, осмысливая уроки прошлого и откликаясь на современные вызовы. Главное – не только не растерять накопленное в области экономической теории, но и приумножить это богатство во благо нашего факультета, университета, страны.

Список литературы

Колесов Н. Д. Кафедра политической экономии Ленинградского университета в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2010. Вып. 3. С. 17–21.

Пешехонов В. А. Alma mater: страницы истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 1998. Вып. 3. С. 89–95.

А. Н. Дубянский
Михаил Андреевич Балугьянский как ученый-экономист и политик[12]

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Дубянский А. Н.* Михаил Андреевич Балугьянский как ученый-экономист и политик // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 67–76.

Статья посвящена выдающемуся российскому ученому М. А. Балугьянскому, который был первым ректором Санкт-Петербургского университета, а также впервые возглавил кафедру политической экономии в этом университете. Он принадлежал к плеяде ученых, занимавшихся не только преподаванием, но и административной и консультативной работой. Шумпетер называл таких ученых «консультантами-администраторами», относя их к камералистской школе. Кроме того, Балугьянский был одним из первых российских ученых, серьезно занимавшихся государственными финансами. М. А. Балугьянский по праву занимает почетное место в ряду выдающихся российских ученых.

Ключевые слова: М. А. Балугьянский, М. М. Сперанский, Санкт-Петербургский университет, финансы, бюджет.

Введение. Михаил Андреевич Балугьянский занимает в отечественной экономической науке исключительное положение, являясь, по сути, первым ученым-экономистом, который стал заниматься проблемами финансов. Он может считаться также первым технократом в российском правительстве. Балугьянский принадлежал к той категории ученых, которые сами не создавали большого количества научных трудов, но приобрели известность благодаря своей работе в качестве разработчика проектов законов, планов реформ, занимаясь образованием управленческой элиты. Кроме того, Балугьянский был первым ректором Санкт-Петербургского университета, а также первым заведующим кафедрой энциклопедии юридических и политических наук и политической экономии, благодаря своей безграничной эрудиции и организаторским способностям.

Й. Шумпетер называл таких ученых, занимавшихся и преподаванием, и административной работой «консультантами-администраторами», относя их к научному течению камерализма, поэтому Балугьянского можно считать первым русским камералистом.

Основные вехи жизненного пути. М. А. Балугьянский родился 26 сентября (7 октября по новому стилю) 1769 г. в деревне Вышняя Ольшава, расположенной вблизи небольшого городка Токаик Цемплинского комитата, бывшего в те времена в составе Австро-Венгрии (сейчас – территория Словакии), в униатской семье славянского происхождения. Кстати, на его родине и в других странах он известен под фамилией Балудянский, поэтому в зарубежных источниках его надо искать под этой фамилией. Приехав в Россию, он изменил написание своей фамилии на «Балугьянский». Почему он это сделал, доподлинно не известно. По одной из версий, это произошло из-за того, что в венгерском языке транскрипция его фами-

[12] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина».

лии (Balugyiansky) читается как Балудянский, так как в венгерском языке gy читается как мягкий ď [Фатеев, 1931, с. 6]. Во всяком случае, выбор написания фамилии должен определять ее носитель. Михаил Андреевич посчитал, что с точки зрения русской грамматики его фамилия должна была писаться Балугьянский. Хотя в дореволюционных изданиях о Балугьянском нередко можно увидеть и исходное написание его фамилии, а именно Балудянский.

Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847)
Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File: Balugjanskij_Mikhail_A.jp

Начальное образование Балугьянский получил в гимназии города Уйгели, а продолжил обучение в Королевской академии правоведения в городе Кошау (в настоящее время – Кошице в Словакии). Затем Михаил Андреевич прошел четырехлетний курс обучения на юридическом факультете Венского университета, впоследствии знаменитом среди экономистов. После его окончания в 1789 г. он сразу же был приглашен на профессорскую должность во вновь учрежденной Гросс-Вардейнской академии венгерского города Надьвараде (ныне Орадя-Маре в Румынии) (см.: [Косачевская, 1971, с. 27–29]).

В 1796 г. он получил степень доктора права, защитив диссертацию на тему «О зернохранилищах», и в том же году последовало его назначение в Пештский университет. В этом университете молодой ученый преподавал на кафедрах истории, статистики и народного права вплоть до 1803 г. Он был хорошим лектором, и его лекции пользовались успехом у студентов. Среди своих коллег он прослыл как компетентный и добросовестный ученый, обладающий высокой работоспособностью.

Он владел, помимо древних классических языков, еще немецким, французским, итальянским, английским, а также многими славянскими языками. Впоследствии он смог выучить русский язык, но редко говорил на этом языке и совсем не мог писать по-русски, объясняясь преимущественно по-французски.

В начале XIX в. в Санкт-Петербурге предполагалось открытие Педагогического института (на базе существовавшей в то время учительской гимназии). Российских педагогов достаточной квалификации в то время было очень трудно найти, точнее говоря, их попросту не было; поэтому попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцев с позволения императора решил пригласить заграничных ученых славянского происхождения. Посредником в переговорах был гоф-хирург императорского двора И. С. Орлай-де-Карва, происходивший из австрийских славян, или, как их еще называли в то время, карпатороссов. Он писал в письме Булугьянскому, приглашая его в Россию, что «профессора в России имеют такие привилегии, как нигде в мире» (цит. по: [Томсинов, 1998, с. 97]).

В 1803 г. молодой словацкий ученый вместе со своими земляками П. Д. Лодием и В. Г. Кукольником отправился в Санкт-Петербург для прохождения службы. Они планировали отработать в России три года, а получилось, что всю свою жизнь связали с нашей страной. В феврале 1804 г. Балугьянский прибыл в российскую столицу. Он был принят на службу ординарным профессором политических наук при Санкт-Петербургском педагогическом институте, который был образован в апреле 1804 г. путем реорганизации учительской гимназии.

Российские власти были наслышаны о глубокой эрудиции словацкого (австро-венгерского) ученого. Балугьянский был знаком не только с идеями классиков политической экономии А. Смита (1723–1790), Д. Рикардо (1772–1823), но и читал труды французских экономистов, таких как А. Р. Ж. Тюрго (1727–1781), Ж.-Б. Сэй (1767–1832), поэтому словацкого ученого старались привлечь к разработке планов реформирования государственного управления. В период с 1806 по 1808 г. Балугьянский опубликовал в «Статистическом журнале» ряд статей, в которых описывал экономическое учение А. Смита и предшествующих ему экономистов. Первые три статьи объединялись под общим названием «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем», а четвертая, называвшаяся «О разделении и обороте богатства», была посвящена рассмотрению учения меркантилистов и физиократов школы Ф. Кенэ [см.: Балудянский, 1806, 1808].

Именно поэтому помимо приглашения на преподавательскую должность он получил еще и назначение во вторую экспедицию Комиссии составления законов на должность редактора отдела государственного хозяйства и финансов. В период с 1809 по 1812 г. М. А. Балугьянский состоял начальником IV отделения комиссии, а также работал в Министерстве финансов, выступая своего рода консультантом-администратором.

В комиссии он участвовал в составлении проектов свода законов публичного права, реорганизации министерств, в разработке отдельных вопросов экономического и финансового законодательства. Он принимал участие в разработке законодательства по освобождению лифляндских крестьян от крепостной зависимости, по поручению Министра финансов вырабатывал новый финансовый план, вызванный необходимостью покрытия чрезмерных военных расходов.

В русской историко-экономической литературе роль это выдающегося ученого в подготовке финансовых реформ часто принижается, а то и вовсе замалчивается. Например, современный российский экономист А. Г. Коломиец утверждает, что главным автором «Плана финансов» были М. М. Сперанский, Д. А. Гурьев и Н. С. Мордвинов (см.: [Коломиец, 2001, с. 245]). На деле роль последнего в составлении плана совсем незначительна, он принимал участие только в его финальном обсуждении (см.: [Дубянский, 2012, с. 92–93]).

Д. А. Гурьев не располагал необходимыми компетенциями в области финансов, да и вообще, по замечаниям современников, он «обладал умом неповоротливым, и ему трудно было удержать равновесие рассуждений». Однако ему был присущи недюжинный организаторский талант и умение разбираться в людях, благодаря которым он стал в дальнейшем «сильным» министром финансов во времена царствования императора Александра I (подробнее о Д. А.

Гурьеве см.: [Марней, 2009]). Именно Гурьев одним из первых обратил внимание на способности М. А. Балугьянского и стал привлекать его к работе в области финансов.

Некоторые исследователи считают, что истинным автором финансовых новаций, предложенных Гурьевым в бытность его министром финансов, является М. А. Балугьянский (см., например: [Баранов, 1882]). Занижение роли Балугьянского в формировании финансовой системы объективно обусловлено тем, что он практически не публиковался, и поэтому можно составить лишь приблизительное представление о его взглядах. Все, что известно о его научном мировоззрении, получено из воспоминаний других людей, работавших с ним в разные периоды времени (см.: [Аникеева, 2010]).

Если рассматривать взаимоотношения Сперанского и Балугьянского, то в совместной работе над планами финансовых преобразований в России эти государственные деятели удачно дополняли друг друга. «Недостаток Балугьянского и, наоборот, преимущество Сперанского заключались в незнании первым и в превосходном знании вторым русской действительности и административной машины по опыту с малых должностей» [Фатеев, 1931, с. 38]. В области же финансовых наук Сперанский был неофитом и изучал их путем самообразования. Он был, конечно, одаренным человеком, но за считанные месяцы вряд ли смог освоить все нюансы необходимых экономических дисциплин. На наш взгляд, именно поэтому в качестве основы для предстоящих финансовых реформ была взята записка Балугьянского. Таким образом, можно считать, что именно М. А. Балугьянский явился тем, кто заложил первый камень в основание русских финансовых реформ. Поэтому знаменитый «План финансов», автором которого принято считать М. М. Сперанского, было бы точнее назвать планом Балугьянского – Сперанского. Так, например, считал русский ученый – исследователь деятельности М. М. Сперанского С. М. Середонин [Середонин, 1909, с. 81]. Аналогичной точки зрения придерживался и известный советский историк экономической мысли В. М. Штейн, считавший, что Балугьянский заслуживает почетного места в русской истории, непосредственно рядом со Сперанским [Штейн, 1948, с. 34]. Михаил Андреевич может быть отнесен к редкой в России категории ученых, которых Й. Шумпетер называл «консультантами-администраторами», говоря, что этот термин синонимичен понятию камерализма [Шумпетер, 2004, с. 419–421]. То, чем занимался Балугьянский, а именно консультированием и образованием чиновников, а также обучением членов императорской семьи, по мнению Шумпетера, можно было считать «камеральной наукой или государственной наукой и что было бы правильнее назвать “основами экономического управления и экономической политики”» [Шумпетер, 2004, с. 420].

С 1813 по 1817 г. М. А. Балугьянский преподавал великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам (родным братьям царствовавшего в то время Александра I) естественное, публичное и народное право. Кроме этих дисциплин, в течение недолгого времени он читал им также политическую экономию. В дальнейшем его сменил в преподавании данной дисциплины А. К. Шторх. Эти занятия приблизили М. А. Балугьянского к царской семье. Знакомство с первыми лицами государства сыграло решающую роль в его судьбе.

Ректор Санкт-Петербургского университета. В марте 1819 г., вскоре после открытия Санкт-Петербургского университета, Балугьянский был избран деканом философско-юридического факультета, где он читал курс под названием «Энциклопедия юридических и политических наук» и политическую экономию.

В октябре этого же года состоялась конференция по избранию ректора вновь образованного университета. Голоса выборщиков на этой конференции разделились поровну между профессорами М. А. Балугьянским и Э. Б. С. Раупахом (1784–1852), который в Санкт-Петербургском университете преподавал курс всеобщей истории. В результате по жребию пост ректора достался Раупаху. Однако Комитет министров не признал выборы по жребию и рекомендовал провести новое голосование, по итогам которого победил М. А. Балугьянский.

На основании этого решения 27 октября 1819 г. он был утвержден императором Александром I в должности ректора Санкт-Петербургского университета. Кроме того, Балугьянскому была предоставлена должность заведующего кафедрой энциклопедии юридических и политических наук и политической экономии. По сути, эта была одна из первых кафедр политической экономии в России. В университете был собран, пожалуй, лучший в стране на тот период времени педагогический состав. В лекциях преподавателей ярко проявлялись просветительские идеи, характерные для той эпохи, и смелость научных воззрений.

Главной заслугой М. А. Балугьянского на посту ректора является разработка проекта устава Санкт-Петербургского университета, который предусматривал неограниченную правительством автономию вуза, а также возможность получения высшего образования для всех сословий русского общества. Петербургский университет должен был, по мнению автора проекта, стать в научных исследованиях головным учебным заведением страны, способствуя созданию научных обществ по всей стране, и обеспечить написание и издание учебной и научной литературы. По своей направленности проект М. А. Балугьянского отражал современные для того времени тенденции в области просвещения и высшего образования. Проект устава отвергли, был реализован «типовой» устав российских университетов, а впоследствии принят реакционный устав в редакции 1835 г., тем не менее многие мысли и идеи Балугьянского, заложенные в его проекте, длительное время оказывали влияние на развитие университетского образования в России.

Неприятности на посту ректора у М. А. Балугьянского начались после назначения 19 июля 1821 г. исполняющим обязанности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д. П. Рунича. Стоит сказать, что этот период в России сильно отличался от времени приезда М. А. Балугьянского в нашу страну. В начале XIX в. Россия, казалось, стояла на пороге грандиозных социально-экономических и политических реформ. Предполагалась даже возможность отмены крепостного права и принятие конституции, однако этим ожиданиям не суждено было сбыться. К 1820-м гг. Александр I окончательно оставил идеи реформирования страны и стал ревностным верующим. На этом фоне стал расцветать клерикализм, проникая во все сферы общественной жизни, в том числе и в образование. В силу этого резко возросло влияние клерикалов, таких как, например, А. Н. Голицын, бывший в то время главой Министерства духовных дел и народного просвещения. Именно при нем начались гонения на учебные заведения, в которых были хоть какие-то ростки инакомыслия. К числу наиболее активных помощников Голицына принадлежали такие политические и общественные деятели, как М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич.

Сразу после своего назначения Рунич потребовал сведения о положении дел в университете. Что касается учебной работы, то его интересовали студенческие конспекты с записями лекций ведущих профессоров, а также из каких источников преподаватели черпают информацию, используемую в лекциях.

Цель Рунича состояла в том, чтобы повторить опыт М. Л. Магницкого, который накануне завершил «разгром» Казанского университета. Русский историк Н. К. Шильдер, являющийся автором ряда фундаментальных биографических работ об императорах Павле I, Александре I и Николае I, давал оценку деятельности Рунича и Магницкого. Считая Рунича «сподвижником и подражателем» Магницкого, он отмечал и определенную разницу в их университетских «реформах»: если Магницкий превратил Казанский университет в подобие «монашеского средневекового ордена», то Рунич на базе Петербургского университета хотел создать первый в России «христианский университет» [Шильдер, 1903, с. 62].

Вновь назначенному исполнять должность попечителя учебного округа Руничу для дальнейшего карьерного роста требовался показательный процесс против ряда преподавателей Санкт-Петербургского университета.

По его мнению, содержание студенческих конспектов показало, что всеобщая история и статистика Российского государства преподаются неправильно, так как основываются на иезуитских (революционных), а не православных ценностях. Не желая принимать участие в подобных разбирательствах, М. А. Балугьянский 31 октября 1821 г. подал в отставку с должности ректора, но за ним была сохранена должность профессора университета [Широкорад, 2004, с. 10].

Рунич решил начать «охоту на ведьм» с показательного суда над четырьмя профессорами университета: профессором по истории философии А. И. Галичем, профессором по всеобщей истории Э. Б. С. Раупахом, профессором К. Ф. Германом и адъюнктом К. И. Арсеньевым. Расследование дела проходило в несколько этапов.

Первым этапом этих разбирательств явилась конференция университета, собиравшаяся три раза (3, 4 и 7 ноября 1821 г.). Во время рассмотрения дела на общем собрании университета Рунич взял на себя роль не только председателя, но и обвинителя, то есть был в одном лице и прокурором и судьей. Д. А. Кавелин – директор университета, который по уставу, в отличие от ректора избираемого преподавателями, назначался правительством, будучи помощником попечителя университета, и занимался всеми внутренними делами университета, кроме научных и учебных дел, – вторил Руничу, всячески склоняя профессорско-преподавательский состав стать на сторону обвинения. «Руничу и в личных его видах, и в интересах всей партии желательно было, чтобы сами члены университета признали зловредными чтения обвиненных товарищей своих. Кавелин знал, кого из старых и молодых профессоров по малодушию их и нетвердости в правилах чести мог он настращать и привлечь к содействию таким видам» [Григорьев, 1870, с. 36].

Несмотря на то что на университетской конференции раздавались голоса в защиту профессоров, из двадцати присутствующих семеро участников, по словам профессора М. Г. Плисова, «…забывши долг, поправши честь, презревши стыд и усыпя совесть» (цит. по: [Григорьев, 1870, с. 36]), поддержали обвинение. Остальные участники, в числе которых были М. А. Балугьянский, М. Г. Плисов, Ф. Ф. Шармуа, П. Д. Лодий и др., допускали «виновность их только в том случае, если будет положительно доказано, что выписки из лекций, к уличению их представленные, справедливы, или вовсе отказывались от подачи мнения…» [Григорьев, 1870, с. 36–37].

На следующем этапе в Главном правлении училищ было признано, что учения Германа, Арсеньева и Раупаха являются вредными и возмутительными против христианства и опасным для государственного благосостояния. Было принято решение удалить из университета Германа и Раупаха, запретив им преподавание в учебных заведениях Министерства просвещения. Галича по причине добровольного осознания им своей вины постановили оставить при университете, запретив ему заниматься преподавательской деятельностью.

Дело было решено передать в уголовный суд. Согласно предъявленным обвинениям профессорам грозила каторга.

На третьем этапе дело профессоров попало в Комитет министров, члены которого отклонили решение о передаче дела в уголовный суд. Н. С. Мордвинов, выразив мнение большинства членов комитета, заметил, что нужно делать различие между подозрением и преступлением, иначе можно всех чиновников отдать под суд.

Тем не менее члены Комитета министров единогласно признали учение профессоров вредным, но в отношении участи самих профессоров их мнения разделились. В результате бурных споров было решено предоставить профессорам возможность оправдаться в феврале 1822 г. перед особым комитетом, состоящим из трех членов Комитета министров.

В результате «дело университетских профессоров», начавшееся как громкий политический процесс, завершилось ничем, если не считать огромного урона, нанесенного академическим свободам. Трагическим эхом тех событий через 127 лет станет так называемое «Ленин-

градское дело», в ходе которого подобные обвинения будут стоить многим преподавателям нашего университета не только свободы, но и жизни. Балугьянского же в XIX в. спасло от серьезных неприятностей только то, что он пользовался покровительством царской семьи, и потому интриговать напрямую против него Рунич опасался.

Заключительный этап карьеры. После ухода из университета Балугьянский в апреле 1822 г. снова стал членом совета комиссии по составлению законов и занимался в ней делопроизводством (см.: [Коркунов, 1895]).

В конце 1825 г. на судьбе М. А. Балугьянского вновь отразилось его близкое знакомство с царской семьей. Вечером 13 декабря 1825 г. он был вызван в Аничков дворец на беседу со своим бывшим учеником великим князем Николаем Павловичем [Фатеев, 1931, с. 44]. На следующий день 14 декабря великий князь должен был взойти на российский престол под именем Николая I. Речь в этой беседе шла о том, как лучше провести работу по систематизации законодательства Российской империи. Сам факт этой беседы свидетельствовал о высоком доверии к Балугьянскому со стороны Николая I.

После вступления на российский престол император осуществил свое намерение привести в порядок действующее законодательство. В конце января 1826 г. было учреждено II отделение Канцелярии Его Величества, на которое возлагалась триединая задача: во-первых, создать Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ) в хронологическом порядке; во-вторых, составить систематический Свод Законов, действовавших на тот момент; в-третьих, перейти к составлению Уложений (новых законов). Начальником Канцелярии был назначен М. А. Балугьянский. Управление всеми работами по кодификации было поручено М. М. Сперанскому, – таким образом, Балугьянский сделался ближайшим его коллегой. При этом Сперанский не получил какой-либо официальной государственной должности. Новый император не доверял ему в такой степени, как его брат Александр I. В этом плане характерна фраза, сказанная Николаем I Балугьянскому в отношении М. М. Сперанского: «Смотри же, чтобы он не наделал таких же проказ, как 1810 году: ты у меня будешь за него в ответе» (цит. по: [Фатеев, 1931, с. 45]). Данное высказывание «определенно рисует положение, занимаемое Сперанским: его талантом и знаниями, хотели пользоваться, но он должен был находиться под присмотром» [Середонин, 1909, с. 81]. Для Сперанского это было, конечно, унизительно, но он смирял свое самолюбие ради любимого дела. М. А. Балугьянский все это хорошо понимал и старался сделать так, чтобы Сперанский не чувствовал себя ущемленным и мог работать по возможности свободно.

В 1839 г. М. А. Балугьянский был назначен сенатором. В должности начальника II отделения он оставался и при преемниках Сперанского – Д. В. Дашкове и Д. Н. Блудове до самой смерти, последовавшей 3 апреля 1847 г. В конце жизни он стал плохо видеть и слышать. В 1839 г. Д. Н. Блудов доложил Николаю I, что начальник II отделения Балугьянский, слепой и оглохший старик, должен быть уволен. На это император резко ответил: «Позвольте, граф, мне и Михаилу Андреевичу остаться на наших местах до нашей кончины» (цит. по: [Фатеев, 1931, с. 55]). Этим лишний раз подтверждалось доверие и глубокое уважение императора к М. А. Балугьянскому и его заслугам перед российским государством.

М. А. Балугьянский обладал поистине энциклопедическими познаниями в области экономических и политических наук. Он умел аналитически мыслить, систематически работать и руководить работой других, что дается не каждому. Отличительной чертой Михаила Андреевича было отсутствие у него каких-либо амбиций. Он много работал, и в результате этой работы оставалось большое количество документов и материалов, но не было опубликовано ни одной личной работы. Сохранилось несколько статей под его именем, в частности «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем» (1806 г.) и «О разделении и обороте богатства» (1808 г.). Долгое время считалось, что рукописи Балугьянского не сохранились, но в предвоенные годы В. М. Штейном были обнаружены материалы, принадлежав-

шие Михаилу Андреевичу, в том числе тетрадь, содержавшая изложение системы его экономических воззрений, озаглавленная «Что должна сделать Россия в государственном хозяйстве и управлении для своего истинного и величайшего благоденствия» [Тебиев, 2014, с. 103].

Когда Балугьянского спрашивали о его собственных трудах и личных заслугах, он отвечал латинской поговоркой: «Vanitas vanitatum (Суета сует)» (см.: [Баранов, 1882, с. 40]).

М. А. Балугьянский был женат (с 30 ноября 1802 г.) на Антонине Анне Юлии Гербер (род. 20 марта 1785 г.) в России ее звали Анной или Антуанеттой Ивановной. От брака они имели десять детей: трех сыновей и семь дочерей.

Список литературы

Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича. Воронеж, 2014.

Аникеева А. А. Роль финансиста М. А. Балугьянского в общественной жизни России // Финансы и кредит. 2010. № 20 (404). С. 75–80.

Балудянский М. А. Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем // Статистический журнал. 1806. Т. 1, ч. 1. С. 45–71.

Балудянский М. А. О разделении и обороте богатства // Статистический журнал. 1808. Т. 2, ч. 2. С. 1–76.

Баранов П. И. Михаил Андреевич Балугьянский, статс-секретарь, сенатор, тайный советник (1769–1847): биографический очерк. СПб., 1882.

Белозеров С. А., Дубянский А. Н. Михаил Андреевич Балугьянский // Очерки по истории финансовой науки / под ред. В. В. Ковалева. М., 2009. С. 109–116.

Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.

Дубянский А. Н. Финансовая реформа в России в начале XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2012. № 2. С. 91–98.

Коломиец А. Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра освободителя. М., 2001.

Коркунов Н. М. М. А. Балугьянский. Проект судебного устройства 1828 года // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 8. С. 47–54.

Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971.

Марней Л. П. Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М., 2009.

Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.

Тебиев Б. К. Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) // Экономический журнал. 2014. № 2 (34). С. 100–108.

Томсинов В. А. Балугьянский Михаил Андреевич // Законодательство. 1998. № 1. С. 95–104.

Фатеев А. Н. Академическая и государственная деятельность М. А. Балудянского в России. Ужгород, 1931.

Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948.

Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3 т. Т. 3. СПб., 2004.

Шильдер Н. К. Император Николай I: Его жизнь и царствование. СПб., 1903.

Широкорад Л. Д. Влияние немецкой экономической науки на формирование политической экономии в России в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2004. № 3 (21). С. 1–14.

Л. А. Вознесенский
Александр Алексеевич Вознесенский. Человек, ученый и педагог, государственный и общественный деятель[13]

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Вознесенский Л. А.* Александр Алексеевич Вознесенский. Человек, ученый и педагог, государственный и общественный деятель // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 77–96.

Представлены страницы воспоминаний сына А. А. Вознесенского, посвященные деятельности отца в Ленинградском государственном университете. Рассказывается о его работе в качестве заведующего кафедрой, декана факультета и ректора университета. В воспоминаниях идет речь о создании политэкономического факультета в составе университета, показывается его роль в организации деятельности университета в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Отмечаются его человеческие качества, выделяются научные интересы и достижения. Рассказывается о том, как в отношении А. А. Вознесенского фабриковались необоснованные обвинения, которые привели к его гибели.

Ключевые слова: Ленинградский университет, кафедра политической экономии, политико-экономический факультет, ректор университета, годы войны, послевоенный период, необоснованные обвинения.

В первом томе издания «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия» об Александре Алексеевиче Вознесенском (05.03.1898 – 28.10.1950) кратко, как и полагается в подобных изданиях, сказано (здесь – с небольшими уточнениями), что это советский экономист, деятель науки и культуры, профессор (1939 г.). Член КПСС с 1927 г. Окончил Петроградский (Ленинградский) государственный университет (1923 г.). С этого времени преподавал, а затем и заведовал кафедрами политической экономии в вузах Ленинграда. Профессор. Организатор и декан факультета политической экономии (позднее – экономического) ЛГУ; в 1941–1948 гг. ректор Ленинградского, а в 1942–1944 гг. одновременно и Саратовского государственных университетов. В 1948–1949 гг. министр просвещения РСФСР. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва.

Вице-председатель Общеславянского комитета. Автор ряда работ по вопросам теории и методологии политической экономии, а также методики ее преподавания. В энциклопедии приводятся далеко не полные список его сочинений и перечень литературы о нем. А в этой книге мне, старшему сыну Александра Алексеевича, предложено рассказать о нем несколько подробнее.

[13] Опубликовано: *Вознесенский Л. А.* Александр Алексеевич Вознесенский. Человек, ученый и педагог, государственный и общественный деятель // Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки. Вып. 11 / отв. ред. О. В. Иншаков. Волгоград, 2014. С. 30–58. В основу очерка легли фрагменты книги: *Вознесенский Л. А.* Истины ради… М., 2004.

Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950)
Фото из архива семьи А. А. Вознесенского

…Об отце с самого моего детства и до последнего мгновения, когда он вышел из дома, чтобы поехать в отпуск в Сочи, но оказалось – там же, в Сочи, на горе Ахун, был арестован, а через год с небольшим уничтожен по так называемому «Ленинградскому делу», у меня и у многих других знавших его людей сохранилось впечатление как о необычайно солнечном, светозарном человеке. Он мог быть сосредоточенным, сдержанным, озабоченным, но не раздраженным или угрюмым. Из ясных глаз – это видно даже на чудом сохранившихся фотографиях и прижизненном живописном портрете – лился свет, свет радости бытия, общения с людьми, творчества в любом деле, которым он был занят. Красивая белоснежная (последствие пережитого в 1937-м) голова венчала великолепную, словно вышедшую из рук скульптора фигуру. Позднее он чуть «посолиднел», но состариться так и не успел: его убили в 52 года.

Вот кое-что из воспоминаний сестры моей матери, относящихся к знакомству Лидии Васильевны с ним в 1926 г.:

> «Моя первая мысль была: “Какой солнечный!” – так от него повеяло бодростью, свежестью, энергией, вообще чем-то радостным… Каким запомнился мне Александр Алексеевич? Это был высокий, очень стройный блондин… Густые светлые волосы, ясные серо-голубые глаза. Для лица было характерно выражение какой-то особой доброжелательности и живого интереса к окружающему, к собеседнику, к рассказу. Быстрые движения, упругая походка, исключительная аккуратность в одежде. Он преподавал в четырех вузах, в том числе в Военно-морской академии, и обычно носил

> военную форму, которая ему очень шла… Кроме преподавания он выступал с лекциями, участвовал во всевозможных комиссиях, писал статьи. Справляться со всем этим ему помогала высочайшая организованность – весь день у него был заранее спланирован до минут, и план строго выполнялся. Иногда, проработав допоздна, он на следующий день забегал отдохнуть, при этом клал передо мною часы и говорил: "Разбуди меня через двадцать три минуты", и когда я сообщала: "Двадцать три минуты прошли", – моментально вставал, одевался и уходил на очередную работу».

Сохраняю это небольшое совпадение с моими наблюдениями, чтобы добавить маленький эпизод: после такого короткого сна отец, поставив ногу на край жесткого стула, быстро и ловко пропускает шнурки через крючки, заменявшие на форменных морских ботинках традиционные отверстия; в это время в комнату с блокнотом в руках неторопливо вплывает его младшая сестра и так же «врастяжку» говорит: «Сашенька, я сейчас пишу такой-то параграф диссертации, какие вопросы надо там осветить?» И отец, не отрываясь от своего занятия, отвечает: «Пиши…», молниеносно набрасывает ей перечень проблем в их последовательности и взаимосвязи и стремительно исчезает. Наверное, контраст в темпе жизни собеседников, в особенностях их психологии был настолько разителен, что врезался даже в детскую память. Что же касается Валентины Алексеевны, то спокойный характер не помешал ей стать успешным ученым и вузовским преподавателем.

> «Несмотря на такую напряженность, работал он, – продолжает свои воспоминания Лидия Васильевна, – по-моему, с удовольствием: вероятно, этому способствовало удовлетворение от хорошо выполненной и всеми признаваемой большой работы… Меня поражало его умение работать в проходной комнате – очевидно, он настолько уходил в работу, что не замечал окружающего… Думаю, что для него, как и для Николая Алексеевича [его младшего брата. – *Л. В.*], жизнь – это была работа, которой отдавалось все, а остальное – друзья, женщины, удовольствия были иногда приятным, но не обязательным довеском…
>
> В университете Александра Алексеевича не просто любили, но и восхищались им. На его лекциях аудитория всегда была полна. Читал он без всяких бумажек, очень легко (без "э-э"), логично и убедительно. Я сама слушала его курс и видела, с каким интересом относилась к лекции аудитория».

О жизни и творчестве моего отца можно прочитать в многочисленных воспоминаниях о нем, а я приведу сверх опубликованных лишь несколько фактов.

Как-то мне довелось лечиться на Украине, в Трускавце, где в промежутках между процедурами мы «сражались» на теннисном корте с кем-то из приехавших туда по той же причине. И вот однажды, «умаяв» друг друга, присели на скамью и разговорились. Оказалось, что мой «соперник» – капитан первого ранга в отставке, командир дивизиона торпедных катеров. Естественно, он поинтересовался, чем занимаюсь я. Зная, что многие люди, мало знакомые или вовсе не знакомые с экономической теорией, думают о ней совсем не так, как она того заслуживает, я ответил:

– Скучной наукой – политической экономией.

И тут на меня обрушился водопад справедливого гнева:

– Что Вы! Как можно так говорить?! Я сорок лет назад слушал лекции по политической экономии в Военно-морской академии и помню их чуть ли не слово в слово до сих пор! Эту науку я полюбил на всю жизнь…

Горло у меня перехватило, и я с трудом ответил:

– Если это было сорок лет назад и в Военно-морской академии, то Вы слушали лекции моего отца…

Так и оказалось.

Прошли еще годы и годы, и однажды в комнату (тогда я работал в Отделе пропаганды ЦК партии) буквально ворвался мой коллега – доктор экономических наук, профессор Э. П. Плетнев – со словами: «Лев! Ты не можешь себе представить, какой потрясающий комплимент я сегодня получил! После лекции ко мне вместе с другими слушателями подошел, опираясь на палку, какой-то очень пожилой человек и дребезжащим голосом заявил публично:

– Я слушал лекции академика Тарле, лекции Александра Алексеевича Вознесенского, и должен сказать Вам, молодой человек: у Вас тоже кое-что получается!..»

Эрик Пантелеймонович прямо-таки светился от этой похвалы, хотя сам был опытным лектором. Я невольно вспомнил и рассказал ему об одном случае из лекционной практики отца. Было это, скорее всего, во второй половине 1920-х гг. Однажды к нему, только что прочитавшему лекцию по политической экономии, подошел один из слушателей – вчерашний рабочий, ставший студентом университета, и сказал: «Товарищ профессор, после Вашей лекции хочется взять дубину и с ней пойти на капитализм!»

Я услышал об этом от отца уже после войны, в 1940-х гг. К тому времени он был признанным профессионалом, достигшим вершин педагогического мастерства, и все же заключил свой маленький рассказ так: «С тех пор прошло лет двадцать, но, знаешь, никогда и ничто, никакие награды и другие знаки признания для меня, преподавателя, не были так дороги, как эти слова простого рабочего паренька: я понял, что на сторону нашего дела завоеваны не только разум, а и сердце человека, и завоеваны навсегда».

Как студент, не раз слушавший лекции отца, могу свидетельствовать: они всегда были не только содержательными, но и образными, эмоционально насыщенными. В них не было каких-то голословных призывов и анафем в адрес буржуазного устройства общества, в них была только логика жизни и логика мысли – и именно это, подобно мощному магниту, привлекало слушателей. Сейчас об отрицании капитализма и защите социализма как исторической перспективы человечества писать не модно, но я хочу показать того, о ком рассказываю, таким, каким он был в действительности, да к тому же мои взгляды и сейчас в принципиальных моментах не расходятся с его суждениями, хотя и содержат много такого, что в то время показалось бы, вероятно, неправильным или даже ошибочным. Ну что же, жизнь идет вперед, и каждый при желании имеет возможность извлекать из нее новые и новые уроки…

Природа далеко не всегда равно одаривает человека внешне и внутренне. Для Александра Алексеевича она сделала такое исключение. Его брат, Николай Алексеевич, общепризнанный обладатель недюжинных способностей, особенно высоко ценил методологическую, если так можно сказать, составляющую его ума, тонкость и точность мышления ученого. Порой, будучи студентом, я спрашивал его, например, о том, как Маркс трактует такую-то сторону такого-то сложного вопроса. И в ответ мог услышать: «Не помню, но, исходя из таких-то основополагающих позиций, из логики развития мысли, в таком-то месте “Капитала” (или другой его работы) он должен прийти к такому-то выводу… Проверь». И не было случая, чтобы отец ошибся.

В своих научных работах он не навязывал читателям, как и студентам на лекциях, готовых выводов, не призывал заучивать цитаты из произведений подлинных и мнимых классиков, а прививал аудитории навыки *самостоятельного* анализа экономических процессов и явлений, проходя *вместе* с нею весь путь поиска научной истины. «Сомневайтесь!» – призывал он своих учеников, следуя, очевидно, любимому изречению Маркса, взятому им у древних: «Подвергай все сомнению». От незнания – к первичному знанию, от него – к сомнению в его полноте и достоверности, далее – к добытому новому знанию и снова – к сомнению, и т. д. – таковы, на мой взгляд, бесконечные ступени движения научной мысли в процессе познания,

анализа окружающего мира и развития самой личности человека. Именно такая или подобная ей позиция и была, строго говоря, его единственным «преступлением», объективно подрывавшим психологические устои тогдашнего режима, который все больше и больше нацеливал людей на механическое усвоение готовых истин, в кавычках и без них, сформулированных Сталиным или приписанных ему, на продиктованное сверху единообразие мыслей и поступков.

На лекции Александра Алексеевича собирались студенты не только политико-экономического, но и других факультетов университета, а о публичных выступлениях в Ленинграде извещали газеты, радио и афиши. И подобно вузовским, городские аудитории тоже всегда были переполнены. Недаром многие из пяти тысяч учебных и полутора тысяч публичных лекций, которые он успел прочитать за свою так рано оборванную жизнь, остались в памяти его слушателей, как пиршество мысли, как выдающиеся образцы творческого применения материалистической диалектики в политической экономии.

Характеристику политико-экономических сочинений А. А. Вознесенского мне хотелось бы дать, объективности ради, исходя из научных публикаций, посвященных их анализу или в какой-то мере связанных с ними. Там говорится, что его теоретические работы, содержащие немало новаторских, свежих для своего времени идей, относятся главным образом к этапу становления (1920-е – первая половина 1930-х гг.) советской политической экономии и в связи с этим отражают существовавшую тогда борьбу взглядов по коренным вопросам теории. Именно в 1920-х, как подчеркивают исследователи, до начала предпринятого Сталиным идейного и организационного погрома в экономической науке и физического уничтожения многих лучших ее представителей, были заложены основы для появления и развития политической экономии социализма. Внес свой весомый вклад в этот процесс и А. А. Вознесенский. Ярко выраженная особенность его работ – уже упоминавшаяся их глубокая *методологичность,* что имело исключительно важное значение в условиях, когда еще только вырабатывались принципы научного анализа совершенно новой социально-экономической действительности, а предлагаемые выводы проверялись суровой практикой жизни.

Так, за два года до начала широкомасштабной дискуссии по этой проблеме Александр Алексеевич в обширной статье «К вопросу о понимании категории абстрактного труда» (1925 г.) первым выступил как против механистических, так и против идеалистических ее трактовок, дал в этой и более поздних работах детальный и чрезвычайно ценный анализ этого основополагающего понятия экономической теории Маркса. Заметный след в истории политической экономии советского периода оставили два крупных раздела – «Предмет политической экономии» и «Товар», подготовленные А. А. Вознесенским для вузовского учебника, вышедшего в 1931–1932 гг. тремя изданиями. Интегральный характер этих работ, представляющих собой сплав экономического, философского и социологического анализа, позволял студентам пройти школу подлинно научного мышления, когда в центре внимания исследователя оказывались *внутренние противоречия,* присущие экономическим явлениям и процессам, что и позволяло выявить закономерности их развития и взаимодействия. В его работах дана всесторонняя характеристика предмета и метода политической экономии и их единства, основных составляющих способа производства материальных благ, содержания таких понятий, как производительные силы и производственные отношения, раскрыта диалектика их взаимосвязи.

Как и ряд других экономистов, Александр Алексеевич защищал тезис о научной правомерности и необходимости формирования политической экономии переходного периода и периода *социализма* и, что особенно ценно, уже в те годы, вопреки весьма распространенным представлениям, говорил о существовании экономических законов его движения и их *объективном* характере. Основным из них на переходном этапе от капитализма к социализму он считал закон социалистического обобществления, который реализуется через плановую деятельность государства. Она же, по его мнению, может быть успешной только при использо-

вании *товарной* формы в качестве рычага планирования народного хозяйства. Вместе с тем, подчеркивая товарный характер тогдашнего общественного производства, он впервые проанализировал социально-экономическую природу и роль продукта труда в каждом секторе советского хозяйства в переходный период.

В публикациях, посвященных анализу политико-экономических работ А. А. Вознесенского, отмечается, в частности, и статья «Расширенное социалистическое воспроизводство» (1941 г.), где обозначены его важнейшие черты и особенности, и именно такая система взглядов на эту проблему стала затем общепринятой в научной и учебной литературе. В равной степени это относится и ко многим другим новаторским позициям в его сочинениях, рождавшихся в процессе поиска научной истины, преодоления принимавшихся экономистами (в том числе и им) в то время за истину заблуждений и активного участия в коллективной выработке методологических основ и аргументации теоретических выводов нарождавшейся политической экономии социализма.

В высшей степени требовательный к себе во всех отношениях и прежде всего в научном плане, А. А. Вознесенский, добиваясь максимальной точности в содержании, в научной разработке тех или иных идей, умел изложить их просто и доходчиво. Именно с этих позиций он не был удовлетворен хорошо известным в те годы весьма полезным при всех его недостатках четырехтомником «Комментариев» Д. Розенберга к «Капиталу». Александр Алексеевич считал, что раскрыть логику и содержание этого основополагающего труда можно и нужно глубже, точнее, доходчивее. И при всей своей сверхзанятости практическими делами он все же делал наброски для такого издания. К сожалению, они, как и фактически законченные рукописи двух книг: «Логика и основные идеи “Капитала” К. Маркса и современность» и «Динамика стоимости рабочей силы при капитализме», были уничтожены вместе с их автором. (Основное содержание первой книги изложено в статье доцента С. Д. Зака «Об одной неопубликованной рукописи А. А. Вознесенского» [Зак, 1973] и в машинописном варианте подготовленной им же брошюры, находящейся в моем фонде в Российском Государственном архиве социально-политической истории.)

Прирожденный, как многие считали, администратор, блестящий организатор, Александр Алексеевич Вознесенский тем не менее остро переживал то, что служебные и общественные обязанности отвлекали его от чисто научной и преподавательской деятельности. Однажды, в пору самых высоких официальных признаний эффективности его работы на посту министра, он с ноткой горечи сказал: «Все, что я делал и делаю в сфере управления, очень скоро после того, как я уйду из нее, забудется. Останется лишь то, что принадлежит науке».

К счастью, отец все же недооценил человеческую способность помнить добрые дела независимо от того, к какой сфере жизни они относятся. В 1998 г., почти полвека спустя после гибели Александра Алексеевича, тепло и уважительно, несмотря на новую реальность в стране, было отмечено 100-легие со дня его рождения: в бывшем Ленинградском, теперь Санкт-Петербургском государственном университете прошли заседание Ученого совета и Всероссийская научная конференция, посвященные памяти его бывшего ректора, от правительства поступила содержательная телеграмма, в которой, в частности, подчеркивалось, что известный ученый-экономист поддерживал преподавателей, которые в замерзающем городе читали лекции и создавали работы, которые ректор университета охарактеризовал как те же снаряды по врагу, а иногда и более меткие. Сам А. А. Вознесенский не только вел большую устную пропагандистскую работу, но и опубликовал в это труднейшее время две пламенные, проникнутые глубочайшей верой в нашу победу над фашизмом брошюры: «Организованность, дисциплинированность и самоотверженность советских патриотов – залог быстрейшей победы над врагом» (1941 г.) и «Ленин и оборона социалистического Отечества» (1942 г.).

Профессор В. С. Торкановский:

«…Все мы знали: в университете есть лидер, вокруг которого сплочен наш коллектив. Этому лидеру можно было верить, он беспредельно предан общему делу, является мудрой и светлой личностью. Каждого он напутствует на большой труд, с каждого строго спрашивает за результаты работы, каждого поймет. Главное – он сам среди нас, все делит с нами, никакие личные чувства его не одолевают…

Неистощимую веру во всех вселял наш ректор. Все службы университета работали четко. Бережно сохранялись бесценные культурные сокровища. Создавались стационары для лечения ослабевших. Коллектив ученых продолжал свои исследования, читал в осажденном городе лекции, проникнутые патриотизмом, уверенностью в нашей победе. Александр Алексеевич, похудевший, горевший внутренним неистребимым огнем, был повсюду. Он провожал нас в армию, посещал госпитали, добывал хлеб и дрова для ученых и студентов…»

Доцент Л. Л. Эльяшова:

«Любили мы А. А. Вознесенского не только как профессора, но и как ректора. В самое мрачное время, когда “падал ленинградец на желтый снег пустынных площадей” (О. Берггольц), студенты университета не чувствовали себя забытыми в промерзших зданиях и общежитиях. Из комнаты в комнату неслось: “Вознесенский приходил к нам в общежитие, расспрашивал. Бодрый, белый воротничок”; “У нас в лаборатории был ректор”; “Ректор говорил, что в главном здании скоро будет кипяток”. И действительно, вскоре мы могли выпить кружку драгоценного кипятку, согреться. В конце ноября 1941 года фугасной бомбой был взорван флигель нашего общежития на 5-й линии, дом 66. Много народу погибло. День и ночь шло спасение заваленных обломками. Вдруг узнаем: ночью приезжал Вознесенский. Разговаривал с теми, кого спасли, укрывал их одеялами.

Как-то само собой к имени нашего ректора стало добавляться слово “папа”. “Папа Вознесенский переводит нас на филологический факультет!” – разнеслась однажды весть. Это было спасение. В нашем общежитии царили холод и мрак – ледяные батареи, фанера на окнах, а на филфаке – печи, светлые аудитории. “Папа” распорядился топить печи мебелью, и мы получили благодатное тепло. “Папа Вознесенский нас эвакуирует, он добьется, он спасет нас”. И он добивался всего, чего можно было добиться; спасал тех, кого можно было спасти, – студентов, профессоров, сотрудников, университет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.